

Жорж Сименон

Мегрэ защищается

<http://book.zehinli.info>

Глава 1

"Скажите, пожалуйста, Мегрэ..."

Этот обрывок фразы Мегрэ вспомнил значительно позднее, а в данный момент он не придал ему значения. Все было обычным и хорошо знакомым: обстановка, лица. Настолько обычным, что не обращаешь на них внимания.

Вот уже много лет подряд Мегрэ имели обыкновение раз в месяц обедать в семье доктора Пардона, на улице Попенкур, недалеко от бульвара Ришар-Ленуар.

И так же раз в месяц доктор с женой приходили обедать к комиссару. Это давало возможность двум дамам вступить в дружественное соревнование по части кулинарных изобретений.

Как всегда, никто не торопился выйти из-за стола.

Алиса, дочь Пардонов, ожидавшая ребенка, приехала к родителям на несколько дней погостить и сейчас всем своим видом как бы извинялась перед присутствующими за то, что выглядит такой неизящной.

Стоял июнь. Весь день была невыносимая духота, и вечер предвещал грозу.

Дамы по традиции, установившейся с первого же совместного обеда, подали кофе и удалились в другой конец гостиной, беседуя вполголоса и давая возможность мужчинам поговорить о своем.

И все же одна незначительная деталь отличала этот вечер от других вечеров. В то время как Мегрэ набивал и зажигал свою трубку, Пардон на минуту исчез в своем кабинете и вернулся с коробкой сигар.

- Я не предлагаю вам, Мегрэ...

- Вы перешли на сигары?

Он никогда не видел, чтобы доктор курил что-либо, кроме папирос. Бросив короткий взгляд на жену, Пардон пробормотал:

- Она просила меня об этом.

- Из-за статей о раке легких?

- Да. Они произвели на нее сильное впечатление.

- А вы в них верите?

- Признаюсь, что вне дома....

Он плутовал. Дома он мирился с сигарой, которая не доставляла ему удовольствия, а вне дома курил папиросы. Потихоньку, тайком, как школьник.

Доктор был небольшого роста, худощавый. Его темные волосы начали серебриться, и на лице появились следы нелегко прожитой жизни. Их совместные вечера редко заканчивались без тревожного и настойчивого вызова к больному, когда Пардон вынужден был извиняться и покидать своих друзей.

- Скажите, пожалуйста, Мегрэ... - Он произнес эти слова нерешительно. - Мы с вами приблизительно одного возраста...

- Мне пятьдесят два...

Врачу это было известно, так как он лечил комиссара и заполнял на него карточку.

- Через три года отставка, пенсия. В полиции в пятьдесят пять лет отправляют удить рыбку...

Реплика прозвучала несколько меланхолично. Время от времени у окна, где они стояли, их окатывали волны свежего воздуха, и они замечали на небе вспышки молний. В доме напротив какой-то старик, облокотившись на подоконник, казалось, пристально разглядывал их.

- Мне сорок девять... В нашем возрасте разница в три года не кажется существенной.

Мегрэ не мог предположить, что детали этого ленивого разговора однажды вспомнятся ему. Он очень любил Пардона. Это был один из немногих людей, с которыми он охотно проводил вечера.

Доктор продолжал свою мысль, с трудом подбирая слова:

- Мне хотелось бы задать вам один вопрос...

Его смущение было явным. Они, безусловно, были друзьями, и все же как-то не решались касаться некоторых тем. Например, никогда не говорили они о политике и о религии.

- Приходилось ли вам за время вашей работы, - продолжал Пардон, - встречать преступника... Я хочу сказать... - Он все время мучился, выбирая слова, словно старался выразить свою мысль предельно точно. - Преступника, отвечающего за свои поступки, но который действовал бы, движимый просто жестокостью?

- Словом, вы имеете в виду преступника в чистом виде?

- Скажем так: законченного преступника...

Мегрэ внимательно следил за сигарой, с которой Пардон обращался довольно неловко.

Он не ответил на вопрос, который задал ему друг.

- Если бы, на свою беду, я был судьей, - начал он неуверенно, - или присяжным в судебном процессе...

Нет! Я уверен, что не смог бы взять на себя ответственность судить человека...

- Каково бы ни было преступление?

- Дело не в преступлении... Дело в человеке, который его совершил...

Разговор двух мужчин на этом оборвался. К ним подошла мадам Мегрэ:

- Выпьете немного арманьяка?

Пардон бросил короткий взгляд на Мегрэ:

- Нет... Спасибо...

По крышам прокатился сильный удар грома, но дождя, которого все ждали уже несколько дней, так и не последовало.

Прошло десять дней с тех пор, как Мегрэ обедали у Пардонов. Снова было жарко. Парижане разъезжались на каникулы. Комиссар в своем кабинете работал без пиджака, окно было раскрыто

настежь. Вода в Сене отсвечивала тем серо-зеленым цветом, какой бывает у морской глади в безветренные дни.

В то время, когда Мегрэ просматривал донесения своих помощников, Жозеф, старый судебный пристав, постучал в дверь тем особенным стуком, который все сразу узнавали. Он вошел, не дожидаясь приглашения, и положил письмо на стол комиссара.

Увидев надпись в верхнем углу конверта: "Кабинет префекта полиции", Мегрэ нахмурил брови.

Внутри была записка:

"Дивизионного комиссара Мегрэ просят явиться 2 июня к 11 часам утра в кабинет господина префекта полиции".

Кровь прилила к лицу, как во времена, когда его, школьника, вызывали к директору. Машинально он взглянул на календарь - 28 июня... Посмотрел на часы - половина одиннадцатого... Приглашение пришло не по почте, а через посыльного...

В течение более тридцати лет его службы в уголовной полиции и десяти лет, когда он возглавлял криминальную бригаду, впервые его приглашали подобным образом.

При нем сменилась добрая дюжина префектов, с которыми у него складывались более или менее приятные отношения. Некоторые оставались на этом посту так недолго, что он не успевал даже поговорить с ними. Иные звонили ему по телефону с просьбой зайти к ним в кабинет, и почти всегда речь шла о каком-нибудь поручении деликатного и малоприятного свойства: вызволить из беды сына или дочь какого-нибудь высокопоставленного лица.

Мегрэ вышел из кабинета с озабоченным видом и на ходу бросил своим сотрудникам:

- Если меня спросят, я у префекта.

Люка и Жанвье подняли на него удивленные глаза.

Они почувствовали в голосе своего начальника беспокойство и раздражение.

Он спустился с огромной пыльной лестницы, прошел под аркой и дальше вдоль набережной Орфевр до бульвара Пале.

Но прежде чем предстать перед такой важной персоной, следовало зайти на минутку в бар и опрокинуть стаканчик чего угодно - пива, белого вина, какого-нибудь аперитива...

Часовые узнали Мегрэ.

- Кабинет префекта.

- У вас повестка?

Еще бы! Сюда не пойдешь по собственному желанию!

Его проводили в зал ожидания.

- Будьте любезны подождать...

Как будто у него был выбор!

Префект был новым человеком. Молодой. Это было модно. Ему не было и сорока, но он успел уже набрать столько дипломов, что мог занять место во главе любого учреждения.

Пять минут двенадцатого... Десять минут двенадцатого... Четверть двенадцатого... Привратник дремал за маленьким столиком, изредка касаясь Мегрэ безразличным взглядом.

Звонок. Привратник лениво поднимается, приоткрывает дверь, делает знак, и Мегрэ проходит в большой кабинет, где царствуют зеленый плюш и стиль ампир.

- Садитесь пожалуйста, господин комиссар...

Мягкий голос приятного тембра. Тонкое лицо, обрамленное светлыми волосами. Из газет всем было известно, что префект каждое утро, перед тем как сесть в свое кресло, заезжал на стадион Ролан-Гарро, играл несколько партий в теннис, дабы не утратить элегантности.

Он приятно поражал здоровьем, энергией, изысканностью. И постоянно улыбался. На всех своих фотографиях он улыбался, хотя его улыбка никому не адресовалась. Он улыбался самому себе с каким-то целомудренным удовлетворением.

- Скажите, пожалуйста, Мегрэ...

Префект начал теми же словами, что и Пардон в тот вечер, с той только разницей, что он курил не сигару, а папиросу. Может, потому, что здесь не было его жены?

- Вы, по-видимому, поступили в полицию совсем молодым?

- В двадцать два года.

- А сколько вам сейчас?

- Пятьдесят два.

Те же вопросы, что задавал Пардон, но, несомненно, с другими целями.

Мегрэ вертел в руках пустую трубку, не решаясь ее набить. Бросая вызов судьбе, он добавил:

- Через три года отставка...

- А не кажется ли вам, что три года - слишком большой срок?

Мегрэ почувствовал, что краснеет, и, чтобы не ; воли гневу, уставился на бронзу, украшающую ножки бюро.

- Вы сразу начали с уголовной полиции?

В голосе по-прежнему звучали мягкость и доброта.

Безликая доброта.

- В мое время не начинали сразу с уголовной полиции. Как все, я начинал с полицейского участка.

В полицейском участке IX округа...

- В какой должности?

- Я был секретарем комиссара. Позднее патрулировал на улицах города...

Префект изучал его с любопытством, в котором не было ни доброжелательности, ни враждебности.

- После этого - метро, большие магазины, вокзалы, игорные дома...

- По-видимому, все это оставило у вас приятные воспоминания - вы охотно говорите об этом.

Мегрэ побагровел от гнева.

- Вы очень известны, господин Мегрэ, очень популярны...

Можно подумать, что префект пригласил Мегрэ, чтобы принести ему свои поздравления.

- Ваши методы, если верить газетам, очень эффективны...

Префект поднялся, подошел к окну. Постоял несколько секунд, наблюдая за движением улицы, где располагался Дворец правосудия. Когда он вернулся к своему столу, его улыбка, а следовательно, и довольство собой, достигли апогея.

- Поднявшись на вершину служебной лестницы, вы все же не смогли избавиться от привычек, приобретенных в начале карьеры... Говорят, вы проводите очень мало времени в кабинете?

- Верно, господин префект, очень мало.

- Вы любите брать на себя задачи, которые должны выполнять подчиненные.

Молчание.

- Вас можно видеть в течение многих часов подряд в маленьких... барах, кафе, во многих других местах, где недопустимо находиться должностному лицу вашего ранга...

Решится Мегрэ или не решится зажечь свою трубку? Пока еще он не смел этого сделать. Он сдерживал себя, продолжая сидеть в кресле, в то время как тонкий и элегантный префект ходил взад и вперед по другую сторону стола.

- Это устаревшие методы, которые в свое время, возможно, и давали положительные результаты...

Раздался треск зажженной спички. Молодой человек вздрогнул от неожиданности, но не сделал никакого замечания. После секундного отсутствия его улыбка водворилась на свое место.

- У старых полицейских есть хорошие традиции...

Дружеский контакт с людьми, находящимися на грани закона, - полиция закрывает глаза на их грешки, за что они, в свою очередь, оказывают ей мелкие услуги...

Вы продолжаете пользоваться услугами осведомителей, господин Мегрэ?

- Как и все полиции мира.

- Вы также закрываете иногда глаза?

- Когда это необходимо.

- Вы никогда не задумывались над тем, что с тех времен, когда вы начинали карьеру, многое изменилось?

- На моих глазах сменилось девять начальников уголовной полиции и одиннадцать префектов.

Это было вопросом чести в отношении самого себя и в отношении товарищей по работе. Во всяком случае, старых товарищей, так как новые охотно перенимали положения, проповедуемые этим любителем тенниса.

Если префект и почувствовал нанесенный ему удар, то ничем этого не выдал. Он мог бы быть дипломатом.

Кто знает, возможно, он еще получит должность посла?

- Вы знаете мадемуазель Приер?

Вот где начинается настоящая атака! Но на какой почве? Мегрэ пока еще не был в состоянии разгадать это.

- А я должен ее знать, господин префект?

- Безусловно.

- И все же я впервые слышу это имя.

- Мадемуазель Николь Приер... Вы также никогда не слышали о господине Жане Приере, докладчике Государственного совета?

- Нет.

- Он живет на бульваре Курсель, номер 42.

- Не стану вам возражать.

- Он доводится дядей Николь. Она живет у него.

- Я вам верю, господин префект.

- А я, господин комиссар, прошу вас ответить мне, где вы были сегодня в час ночи? - На этот раз голос звучал сухо, и глаза не улыбались. - Жду вашего ответа.

- Это что - допрос?

- Называйте это как вам будет угодно.

- Могу я вас спросить, в качестве кого вы задаете мне этот вопрос?

- В качестве старшего по должности.

- Хорошо.

Мегрэ не торопился с ответом. Никогда в жизни он не чувствовал себя в таком унижительном положении.

Пальцы его, сжимающие погасшую трубку, побелели от напряжения.

- Я лег в половине одиннадцатого, после того как вместе с женой посмотрел телевизионную программу.

- Вы обедали дома?

- Да.

- В котором часу вы вышли из дому?

- Я к этому подхожу, господин префект. Около полуночи зазвонил телефон...

- Ваш телефон значится в телефонной книжке?

- Совершенно верно.

- Не находите ли вы, что это не совсем удобно? Не дает ли это возможность кому угодно, даже тем, кто хочет просто подшутить, звонить вам?

- Я тоже так думал. В течение многих лет моего телефона не было в книжке, но люди все же как-то узнавали его. Переменив свой номер пять или шесть раз, я решил печатать его в телефонной книжке, как все люди...

- Что очень удобно для ваших осведомителей...

И что также позволяет обращаться непосредственно к вам, а не в уголовную полицию... Таким образом, все заслуги по удачно раскрытому преступлению публики приписывает лично вам...

Мегрэ заставил себя промолчать.

- Так вы говорите, что вам позвонили около полуночи?

- Сначала я разговаривал в темноте. Но беседа затянулась. Когда моя жена включила свет, было без десяти двенадцать.

- И кто же это вам звонил так поздно? Кто-нибудь из знакомых?

- Нет. Какая-то женщина.

- Она назвала свое имя?

- Несколько позднее.

- Значит, не во время этого телефонного разговора, который вы якобы вели с ней?

- Который я действительно вел с ней.

- Допустим! Она назначила вам свидание в городе?

- В некотором смысле - да.

- Что вы хотите этим сказать?

Мегрэ начинал понимать, что вел себя в той истории глупо, и ему стоило большого труда признаться в этом перед молокососом с самодовольной улыбкой.

- Она только что приехала в Париж, где никогда до этого не бывала...

- Простите...

- Я повторяю то, что сказала мне она. Она добавила, что является дочерью судьи из Ла-Рошели, что ей восемнадцать лет, что она задыхается в кругу очень строгой семьи... И когда одна из ее школьных подруг, прожившая год в Париже, стала расхваливать ей все прелести и возможности столицы...

- Оригинально, не правда ли?

- Мне приходилось слышать и менее оригинальные признания, которые, однако, не становились от этого менее искренними. Известно ли вам количество молодых девушек, в том числе и девушек из хороших семей, которые каждый год...

- Я знаю статистику...

- Я согласен с вами, что история не нова, и, если бы все дальнейшее звучало в том же духе, я, пожалуй, ничего бы не предпринял. Она уехала из дома, не предупредив родителей, взяв с собой лишь один чемодан и небольшие сбережения... Подруга встретила ее на вокзале Монпарнас... Подруга была не одна... Ее сопровождал мужчина лет тридцати, которого она представила как своего жениха...

- Темный король, как говорят гадалки...

- Они сели в такси и через несколько минут остановились у какого-то отеля.

- Вам известно название отеля?

- Нет.

- Также, вероятно, неизвестно, в каком районе?

- Совершенно верно, господин префект. Но я за время моей работы сталкивался и с более странными историями, которые тем не менее оказывались абсолютно правдивыми. Эта молодая девушка не знает Парижа. Она здесь впервые. Ее встречает подруга детства и знакомит со своим женихом. Девушка едет в автомобиле по улицам и бульварам, которых никогда раньше не видела. Наконец они останавливаются перед отелем, где она оставляет свой багаж, и ее уводят обедать... Ее заставляют пить...

Мегрэ вспомнил трогательный голос по телефону, простые и правдивые слова, фразы, которые, как ему казалось, невозможно придумать.

"Я еще и сейчас немного пьяна, - призналась девушка. - Я даже не знаю, что пила... "Пойдем ко мне, посмотришь, как я живу..." - сказала моя подруга.

И они вдвоем привели меня в какую-то комнату, похожую на студию художника, где при виде гравюр и, особенно, фотографий, украшавших стены, меня охватила паника... Моя подруга хохотала... "Вот это тебя пугает?... Покажи ей, Марко, что это вовсе не так страшно..."

- Если я вас правильно понял, она вам рассказывала всю историю по телефону, а вы слушали, лежа в кровати рядом с мадам Мегрэ?

- Совершенно верно. За исключением, возможно, некоторых деталей, которые она мне сообщила позднее.

- Значит, было и продолжение?

- Наступил момент, когда она предпочла удрать.

И тогда она оказалась одна в Париже, без багажа, без сумки и без денег...

- И тут ей пришла мысль позвонить по телефону вам?... Очевидно, она знала ваше имя из газет... У нее не было сумочки, но она нашла деньги, чтобы позвонить из автомата...

- Из кафе, куда она вошла, чтобы заказать чего-нибудь и попросить жетон для телефона... Хозяева кафе не имеют обыкновения требовать плату вперед...

- Итак, вы помчались к ней на помощь. А почему вы не поручили это полицейскому участку того района?

Потому что у Мегрэ были сомнения, но он решил не говорить о них. Кроме того, отныне он вообще будет говорить об этом деле как можно меньше.

- Видите ли, господин комиссар, молодая девушка, о которой идет речь, вовсе не провинциалка, и ее версия о событиях этой ночи несколько не похожа на вашу. Месье Жан Приер был очень обеспокоен сегодня утром, не увидев свою племянницу за завтраком и узнав, что ее вообще нет дома. Она явилась в половине девятого утра, бледная, расстроенная и растерянная. Рассказ племянницы до такой степени потряс докладчика Государственного совета, что он позвонил персонально министру внутренних дел. Будучи поставлен в известность о случившемся, я в свою

очередь направил стенографиста записать показания мадемуазель Приер. Вам осталось, кажется, три года до отставки, господин Мегрэ?

В памяти Мегрэ возникли слова Пардона: "Приходилось ли вам... встречать преступника, который действовал бы, движимый просто жестокостью? Законченного преступника?"

Но кто это мог подстроить?

- Чего вы ждете от меня, господин префект? Чтобы я подал в отставку?

- Я вынужден буду ее принять. Вы прочтете показания мадемуазель Приер. Затем будьте любезны в письменном виде повторить в малейших деталях вашу версию происшедшего. Самой собой разумеется, я вам запрещаю надоедать мадемуазель Приер и допрашивать кого бы то ни было по этому поводу. Когда я получу ваши показания, я вас приглашу.

Он направился к двери, открыл ее. Неопределенная улыбка по-прежнему блуждала на его губах.

Глава 2

Мегрэ успел спуститься на третью или четвертую ступеньку мраморной лестницы, когда дверь снова открылась. Это был безрукий привратник. Он не мог играть каждое утро в теннис.

- Господин префект просит вас вернуться на минуту, господин комиссар.

Секунду Мегрэ колебался, не зная, подняться ли ему на несколько ступенек или продолжать спускаться. В конце концов он все же снова очутился в приемной, и префект самолично открыл ему дверь своего кабинета.

- Я забыл сказать, что не хочу никаких разговоров на набережной Орфевр по этому поводу. Если же в прессе появится хоть малейший отголосок происшедшей истории, я буду считать вас персонально ответственным за это.

Так как Мегрэ стоял неподвижно, префект добавил, словно отпуская его:

- Благодарю вас.

- Я вас тоже, господин префект.

Сказал он эти слова или не сказал? Он не был уверен. Снова увидев привратника и сделав ему знак рукой, он стал спускаться, на этот раз уже окончательно, по мраморной лестнице. На улице он удивился, увидев солнце, поток людей и машин, ощутив жару, запахи и краски повседневной жизни.

Вдруг Мегрэ почувствовал спазм в груди. Он машинально приложил к ней руку и на мгновение остановился. Пардон уверял его, что в этом нет ничего страшного.

Но все же во время таких приступов его охватывала паника, особенно когда они сопровождались головокружением. Предметы и прохожие становились менее реальными, как на испорченной фотографии.

Дойдя до угла, Мегрэ толкнул дверь бара, где он уже много лет имел обыкновение выпивать стаканчик по пути.

- Что будете пить, господин комиссар?

Ему было тяжело дышать. Лоб покрылся испариной.

Он с беспокойством посмотрел на себя в зеркало.

- Рюмку коньяку...

Краска сошла с его лица. Он был бледен. Взгляд неподвижен.

Все из-за Пардона. Просто непостижимо, как это их беседа, внешне такая банальная, приобретала все большую значительность. Врач советовал ему меньше пить, а сам, куря дома сигару, чтобы угодить жене, едва выйдя на улицу, хватался за папиросу.

"Приходилось ли вам за время вашей карьеры встречать..." Преступника порочного. Жестокость ради жестокости. Он не улыбался, даже иронически.

Часы показывали без двадцати двенадцать. Все произошло меньше чем за полчаса. Полчаса, которые как бы разделили его жизнь пополам. С этого момента у него есть прошлое и настоящее.

Голова все еще кружилась. А вдруг он упадет на пол в кафе, среди этих людей, что пьют аперитивы, не обращая на него внимания?

Ну-ну, Мегрэ! Брось сентиментальничать! Сколько людей, которых ты допрашивал в своем кабинете, чувствовали, что их сердце бьется слишком сильно или перестало биться совсем! Им тоже он подавал рюмку коньяку, который всегда держал в стенном шкафу.

- Сколько я вам должен?..

Уплатил. Ему было жарко. Но жарко было всем.

Другие тоже время от времени вытирали лоб носовым платком. Почему Франсуа смотрит на него так, будто Мегрэ вдруг изменился? Он не чертил зигзаги. Шел ровно. Он не был пьян. Нельзя опьянеть от двух рюмок коньяку, даже больших. Он благоразумно дождался зеленого света, чтобы пересечь улицу, и направился к знаменитому дому номер 38 на набережной Орфевр.

Мегрэ больше не сердился на эту пигалицу - префекта, которому совсем недавно с удовольствием заехал бы в физиономию. Префект в этой истории был пешкой.

Мегрэ вошел в кабинет, закрыл за собой дверь и огляделся, будто видел все впервые.

Мегрэ преодолел желание открыть шкаф, где находилась бутылка коньяку для падающих в обморок посетителей. Пожав плечами, он пошел в кабинет инспекторов.

- Какие новости, дети мои?

Все на него посмотрели, как смотрел Франсуа - гарсон в баре. Люка поднялся:

- Снова ограбление ювелирного магазина...

- Ты, Люка, займешься этим делом. - Он продолжал стоять, витая где-то между реальностью и нереальностью. - Позвони, пожалуйста, моей жене, скажи, что я не приду завтракать. И закажи мне, пожалуйста, несколько бутербродов и пива...

Его помощники терялись в догадках: что случилось с шефом? А что он мог им сказать? Впервые он оказался в положении человека, на которого напали.

Мегрэ снял пиджак, открыл вторую створку окна и тяжело опустился в кресло. На письменном столе лежали в ряд шесть трубок, папки с делами, которые он еще не открывал, и бумаги для подписи.

Комиссар выбрал самую толстую трубку, медленно набил ее табаком, и когда он ее зажег, оказалось, что у нее неприятный вкус. Ему пришлось подняться, чтобы взять в кармане пиджака бумаги, которые ему вручил префект.

"Показания мадемуазель Николь Приер, 18 лет, студентки, проживающей у своего дяди, господина Жана Приера, докладчика Государственного совета, на бульваре Курсель, 42, от 28 июня, 9 часов 30 минут утра".

Бульвар Курсель - большие дома напротив парка Монсо, широкие подъезды, шоферы, наводящие лоск на автомобили во дворах, швейцары в униформах, как и привратник у префекта.

"В понедельник вечером, пообедав с моим дядей, я отправилась к подруге, Мартине Буэ, которая живет на бульваре Сен-Жермен. Ее отец врач. Я поехала на метро, так как машина нужна была дяде..."

Мегрэ подумал, что вчера после обеда он спокойно смотрел телевизор с мадам Мегрэ, совершенно не подозревая, что его ждет этим же вечером.

"У Мартины мы провели большую часть вечера, слушая новые пластинки. Мартина помешана на музыке.

Я тоже. Немного меньше, чем она".

Как это все невинно. Две молодые девушки в комнате слушают музыку... Какую? Баха? Модные песенки? Джаз?..

"Я покинула ее около половины двенадцатого. Сначала решила поехать домой на метро, но, выйдя на улицу и ощутив ночную прохладу после невыносимо душного дня, передумала. Мне захотелось пройтись пешком".

Мегрэ попытался представить себе Николь в гостинной на бульваре Курсель, диктующей эти показания с важным видом. Фразы, казалось, были взяты из сочинения. Присутствовал ли при этом ее дядя? Вносил ли он поправки?

"Вскоре я свернула на набережную Сены, чтобы пойти через мост, так как обожаю прогуливаться по мосту, особенно ночью... Именно в этот момент я заметила, что забыла у Мартины две пластинки, которые принесла, чтобы дать ей послушать.

Мой дядя имеет привычку рано ложиться спать, так как рано встает. Я подумала, что Мартина может позвонить домой, чтобы сказать, что я забыла у нее пластинки, и побеспокоит дядю..."

Это было вполне возможно. Все было возможно. Мегрэ теперь убедился в этом. Однако это место в показаниях звучало не так убедительно, как начало.

"Я оказалась у маленького бистро, хозяин которого сидел у окна и читал газету. Я ясно увидела слова, нарисованные на витрине: "У Дезире".

Это бистро старинного стиля: с оловянной стойкой, пятью или шестью столиками лакированного дерева, с довольно тусклым освещением. Я вошла..."

Теперь уже скоро должен появиться на сцене и Мегрэ, и ему было любопытно, каким образом введут его персону. В этот час накануне он безмятежно спал в супружеской постели рядом с мадам Мегрэ.

"Я сразу попросила жетон для автомата, и хозяин нехотя поднялся, как бы недовольный, что его побеспокоили. Я заказала кофе и пошла в кабину.

Мы с Мартиной поболтали немного. Ей хотелось знать, где я нахожусь. Я ответила, что звоню из одного очаровательного старомодного бистро, где сейчас нет ни одной живой души. Мартине захотелось присоединиться ко мне, но я ей сказала, что не собираюсь здесь задерживаться, что еще немного пройду, а потом поеду на метро..."

В Мегрэ проснулся инстинкт полицейского. Она, конечно, звонила подруге - эту деталь легко проверить. Она, конечно, была "У Дезире", так как именно там несколько позднее к ней присоединился Мегрэ.

Таким образом, она звонила дважды: один раз Мартине, другой - комиссару. Но девушка упомянула только об одном жетоне. Мегрэ не терпелось узнать, будет ли идти речь о втором.

"Мы поболтали с Мартиной минут десять, а может быть, и больше. Правда, мы только что расстались, но у двух молодых девушек всегда найдется о чем поговорить..."

Это означало, что первый звонок был не к Мартине, а к Мегрэ, что давало ему время одеться, вскочить в такси и прибыть на набережную Сены.

"После разговора я села за столик, где стояла моя чашка кофе. Хозяин снова занял свое место у окна. На стуле лежала вечерняя газета. Я начала просматривать ее, пока остывал мой кофе. Не знаю, сколько минут прошло таким образом..."

В этот момент она, вероятно, задавала себе вопрос, придет комиссар или не придет после той комедии, которую она разыграла с ним по телефону. По времени все рассчитано великолепно!

- Войдите! - крикнул Мегрэ.

Это был посыльный из пивной напротив, который принес поднос с бутербродами и две бутылки пива.

- Поставь сюда!

Мегрэ не испытывал ни голода, ни жажды. С нахмуренным лбом он поднялся, чтобы закрыть дверь, которую мальчик плохо прикрыл, уходя из кабинета.

Одна деталь, во всяком случае, была точна: чашка кофе. И еще. Когда Мегрэ пришел в бистро, на стуле около молодой девушки лежала газета.

"Мне показалось, что времени прошло совсем немного, но я не поручусь, так ли это. Мой дядя часто упрекает меня, что я не имею ни малейшего представления о времени... Я собиралась вынуть из кармана портмоне... На мне была легкая жакетка с двумя карманами, благодаря которым я могла обойтись без сумочки... Это тоже один из моих недостатков - повсюду забывать сумочки... Поэтому я почти всегда шью одежду с карманами..."

Хитро придумано. Надо было как-то согласовать вопрос о сумочке, которую у нее якобы украли.

"В этот момент вошел мужчина, довольно высокий, широкоплечий, с крупным лицом..."

"Благодарю за описание!" - подумал Мегрэ.

"Может, я ошибаюсь, но у меня было такое чувство, что он некоторое время наблюдал за мной через витрину... Мне смутно помнится, что какой-то силуэт двигался назад и вперед по тротуару..."

Сначала мне показалось, что он направляется прямо ко мне, но он сел за соседний столик, вернее, тяжело опустился на стул и вытер лоб платком... Мне пришла в голову мысль, что он сильно выпил..."

Внимание! Начиная с этого момента особенно важно, чтобы ее показания совпадали с тем, что может показать хозяин бара.

"Его лицо показалось мне знакомым, но я не могла вспомнить его имя... И вдруг меня осенило... Он, очевидно, догадался, о чем я думаю, и сказал: "Вы не ошибаетесь... Я действительно комиссар Мегрэ..."

Вот это уже ошибка. Мегрэ никогда бы не произнес такой фразы. Но ей нужно было каким-то более или менее правдоподобным образом показать, что разговор у них завязался сразу.

"Я не принадлежу к тем девушкам, которые гоняются за звездами экрана или другими знаменитостями, чтобы получить у них автограф. Мой дядя принимает их каждую неделю на бульваре Курсель.

И все же мне было интересно увидеть вблизи полицейского, особенно такого знаменитого... Я себе представляла его более высоким и, пожалуй, более толстым... Что меня больше всего поразило вначале, это его игривый тон, и я сразу подумала, сколько же вина им уже выпито..."

Мегрэ охватила бессильная ярость. Он все больше и больше погружался в какой-то нереальный мир, где он играл главную роль, не зная точно, что это за роль.

В кошмарном сне все кажется не правдоподобным.

А если во время сна тебе все представляется реальным, то пробуждение кладет конец этой путанице.

Здесь же была полная неразбериха наяву. Он не спал.

Это был не сон. Перед ним лежало показание. Это не было анонимным письмом или рассказом душевнобольного, это был официальный документ, врученный ему лично префектом полиции.

И префект полиции верил тому, что здесь написано. Не начнет ли и Мегрэ в свою очередь верить в это?

Он вспомнил, что предшествовало этой сцене в кафе: звонок по телефону, затем голос молодой девушки, его колебания - повесить или не повесить трубку.

В тот момент он еще был в реальном мире, у себя дома, рядом с женой.

Кабинет, в котором он сейчас находился, становился все менее реальным. Кто знает, что произойдет, когда Мегрэ вручит префекту свои показания?!

Что сказал ему шеф, который в течение двух лет обещает вымести метлой Париж и который играет каждое утро в теннис на стадионе Ролан-Гарро, где он любезно разрешает фотографировать себя?

"Итак, только потому, что какая-то незнакомка рассказала вам трогательную и довольно невразумительную историю, вы поднялись среди ночи и помчались к бистро, которое она вам указала... Комиссар бригады!..

Вам не пришло в голову позвонить в ближайший полицейский участок и послать рядового полицейского заняться этим делом!"

Он был не так уж не прав. Мадам Мегрэ сказала ему почти то же самое: "Почему бы тебе не послать полицейского?"

Именно потому, что дело это было не совсем ясным.

Потому что факты, которые ему рассказывали на другом конце провода, были довольно путанными.

Мегрэ выпил стакан пива, зажег трубку и снова склонился над печатными страницами.

"Полицейский заказал белое вино. Хозяин спросил у него: "Запечатанное?" Он ответил утвердительно, и ему принесли стакан и маленькую бутылочку. Он предложил выпить и мне, но я ответила, что только что пила кофе. Затем он завел разговор о своей профессии: "Большинство людей составляет себе не правильное мнение о нашей профессии... Уверен, что и вы тоже..." - "Очень много говорят о вашей системе допросов, о признаниях, которые вы вырываете, беря людей измором..." - "Ерунда... Что интересно в нашей работе - это повседневная рутина..."

Кстати, я напал на след одного опасного преступника, которого обязательно сегодня задержу в одном из баров этого района... Если вас это позабавит, идемте со мной".

Полицейский поднялся, уверенный в том, что я приняла его предложение. Он бросил на стол монеты, и когда я хотела в свою очередь расплатиться, хозяин сказал мне, что уже за все заплачено.

Мы вышли вместе.

"Ваши родные ждут вас?" - "Мой дядя не следит за тем, в котором часу я возвращаюсь. Он доверяет мне..." - "В таком случае идемте..."

Я уступила своему любопытству. Вспоминаю, что мы проходили улицу Жакоб и на какой-то маленькой улочке, название которой я забыла, зашли в бар. Там было очень много людей, которые столпились у стойки. Я приглядывалась к лицам. Мне было интересно, не находится ли среди них преступник, которого ищет комиссар. Он протянул мне стакан. Это было виски.

Я колебалась, пить или не пить, но так как после черного кофе меня мучила жажда, то я выпила. Подозреваю, что мой стакан был снова наполнен без моего ведома, таким образом, я выпила дважды. В баре было душно, тесно и накурено...

"Пошли... Здесь его нет... Он, вероятно, в другом месте..." - "Я предпочла бы вернуться домой..." - "Дайте мне еще полчаса, и вы получите возможность присутствовать при сенсационном аресте, о котором завтра заговорят все газеты на первых полосах..."

Теперь должно пройти какое-то время, чтобы она успела захмелеть. И надо обо всем рассказывать достаточно туманно, чтобы нельзя было найти те места, куда ее якобы водили. В общем, вся эта фальшь должна выглядеть правдоподобно.

"Затем мы попали в какой-то погребок, где играл джаз... Пары танцевали... Я не знаю погребков в Сен-Жермен-де-Пре, но полагаю, что это был один из них..."

Комиссар снова заставил меня выпить... Я чувствовала, что плохо держусь на ногах и что еще один стакан - и я буду... То, что было потом, вспоминается мне уже в каком-то тумане, отдельными эпизодами...

Некоторые моменты я совершенно не могу восстановить в памяти... На улице он держал меня под руку, потом, под предлогом, что я рискую упасть, взял меня за талию... Я пыталась оттолкнуть его... Потом он затащил меня в дом... Мы шли по плохо освещенному коридору... Он поговорил с каким-то небритым седым стариком... Смутно помню узкую лестницу, нумерованные двери... Комиссар повернул ключ... Машинально я все повторяла: "Нет!.. Нет!.. Не хочу!.." Он смеялся... Мы очутились в комнате, у постели... "Отпустите меня!.. Отпустите меня!.. Или я позову полицию..."

Могу поклясться, что он мне ответил: "Вы забываете, что полиция - это я!"

Все было почти верно. Конечно, за исключением последней фразы. И девушка вовсе не сопротивлялась.

И конечно же Мегрэ не водил ее из бара в бар и не заставлял пить.

А на самом деле было так. Они встретились в бистро "У Дезире" и обменялись несколькими фразами. Барышня действительно назвалась Николь, но по фамилии Карве. Отец ее якобы судья из Ла-Рошели. А подругу, ту, что встречала ее на вокзале вместе с Марко, зовут Лаура Дюбюиссон. Она дочь торговца рыбой из того же города.

Мегрэ сказал:

- Если я правильно вас понял, вы не знаете, ни где живет ваша подруга, ни куда они вас отвезли, ни где вы оставили свой багаж. И вы, конечно, не в состоянии узнать дом, из которого убежали, оставив свою сумочку с деньгами...

Она еще была пьяна, и от нее пахло алкоголем.

- Прежде всего надо найти вам приют на ночь...

Пойдемте...

Он, действительно, бросил монеты на стол. Действительно, на бульваре Сен-Жермен поддержал ее за руку, а немного позже, так как она плохо держалась на ногах, поддержал и за талию. Он знал приличный недорогой отель "Савой" на улице Эколь. По дороге они не останавливались, как уверяла в своих показаниях Николь.

- Как вы могли писать своей подруге, если не знаете ее адреса?

- Вы думаете, что я лгу, что я сочиняю историю?

Я писала ей до востребования! Лаура всегда любила таинственность... Когда она еще была маленькой, в школе, она...

Мегрэ уже не помнит, что делала маленькая Лаура. Он едва слушал, торопясь поскорее отделаться от девушки.

Действительно, ночной дежурный в отеле "Савой" был плохо выбрит, он протянул комиссару ключ, проворчав:

- Второй, налево...

В отеле не было лифта.

- Помогите мне подняться по лестнице... Я еле держусь на ногах...

Он помог. Поднявшись на второй этаж, Мегрэ открыл дверь.

- Спице и ни о чем не беспокойтеся. Завтра утром я займусь вашим делом.

В комнате она оступилась, упала на пол и не делала попыток подняться. Она могла заснуть прямо на полу.

Он поднял девушку, снял с нее туфли, жакет. Собирался было уйти, когда она захныкала:

- Хочу пить!

Он прошел в крошечный туалет, сполоснул стакан, наполнил его свежей водой. Когда вернулся, она сидела на кровати, пытаясь снять с себя юбку.

- Пояс давит...

Девушка пила воду, устремив на него взгляд, полный отчаяния.

- Вы не хотите мне помочь!.. Если бы вы знали, как мне плохо!.. Меня тошнит...

Он помог ей раздеться, и она осталась в одной комбинации.

- Ну как дела? - спросила мадам Мегрэ, когда он вернулся домой.

- Странная история... Завтра будет видно...

- Красивая девушка?

- Признаться, не обратил на это внимания... Она была мертвецки пьяна...

- Что ты с ней сделал?

- Устроил в отель. Мне пришлось уложить ее в постель...

- Ты раздел ее?

- Ничего другого мне не оставалось...

- А ты не боишься?

Мадам Мегрэ лишь высказала вслух то, что беспокоило и его самого. Он был недоволен собой. В девять часов утра, придя на работу, он первым делом позвонил в отель "Савой". Ему ответили, что особа из 32-го номера ушла, заявив, что комиссар Мегрэ, который ее привел сюда, придет и оплатит по счету.

Через десять минут телефонистка уголовной полиции сообщила ему, что никакого судьи по фамилии Карве в Ла-Рошели нет. И что вообще ни Карве, ни Дюбюиссон в телефонной книжке не значатся.

Глава 3

"Вы забываете, что полиция - это я!"

Мегрэ стоял у открытого окна, засунув руки в карманы и сжав зубами трубку. У него не хватало духу перечитать вторично показания Николь Приер. До этого он долго сидел в кресле, подавленный, чувствуя невыразимое отвращение ко всему. Он уже ощущал себя как бы чужим в этом кабинете.

Ему осталось три года до отставки. Пардон и это подчеркнул. Почему? Потому что считает Мегрэ уставшим? Потому что, прослушивая его как врач, нашел какой-то изъян, о котором не хотел ему говорить?

Он рекомендовал ему меньше пить. А лучше вовсе не пить. Немного вина за обедом. Скоро ему пропишут режим и пилюли в определенные часы.

Мегрэ потерял представление о времени. Солнечные блики в комнате постепенно перемещались с одного предмета на другой, но он не замечал этого.

Он не испытывал желания ни бороться, ни защищаться. В какой-то момент он даже почувствовал облегчение. Никакой ответственности. Не будет больше изнурительных вечеров и ночей в погоне за преступниками.

"Вы забываете, что полиция - это я!"

Возможно, его спасла эта маленькая фраза. Он уже почти видел себя в деревенском домике, с садом, где они с женой будут выращивать овощи и цветы. С лейкой в руках, поливая их рано утром и после захода солнца... Рыболовные снасти в сарае...

"Вы забываете, что полиция..."

Это до такой степени не вязалось с его характером, придавало всему такой фальшивый тон, что в конце концов Мегрэ улыбнулся и начал медленно распрямляться.

Он встал и посмотрел на забытые им бутерброды.

Взял один, открыл оставшуюся бутылку пива. Так он и ел, стоя перед окном и любуясь Сеной сквозь неподвижную листву деревьев.

Наконец Мегрэ снова почувствовал контакт с внешним миром - с прохожими, которые где-то двигались по улицам, с молодой парой, которая, обнявшись, медленно переходила через мост Сен-Мишель...

За стеной стучали пишущие машинки. Инспекторы, должно быть, поглядывают время от времени на дверь своего шефа и обмениваются беспокойными взглядами.

Мегрэ вернулся к письменному столу, чтобы прочесть окончание показаний Николь Приер, так как там оставалась еще одна фраза.

"Комиссар не воспользовался моим беспомощным состоянием. Полагаю, что в последний момент он испугался..."

Мегрэ набил трубку, более твердым шагом вернулся к окну. Глаза его постепенно оживали. Вздохнув, он направился наконец в соседнюю комнату.

Люка отсутствовал. Молодой Лапуэнт был в отпуске. Жанвье печатал рапорт на машинке. В комнате было еще несколько человек. Все почувствовали, что Мегрэ вошел и смотрит на них, но никто не решался поднять голову, из деликатности, так как они знали: если комиссар закрывается у себя в кабинете, значит, случилось что-то серьезное.

Часы показывали три.

- Зайди ко мне с блокнотом, Жанвье.

Жанвье был лучшим стенографистом в его бригаде. Он немедленно зашел к шефу, закрыв за собой дверь. В его взгляде был вопрос, который он не смел сформулировать.

- Садись... Я диктую...

Его показание оказалось более коротким, чем он предполагал. Часом раньше он представил бы объяснения, высказал бы предположения. Сейчас же ограничился лишь фактами, избегая всего, что могло произвести впечатление комментариев.

По мере того как Мегрэ продвигался в своем рассказе, инспектор Жанвье становился все более серьезным, хмурил брови, изредка бросал взгляды на шефа.

На все ушло не больше двадцати минут.

- Напечатай это в трех экземплярах.

- Слушаюсь, патрон...

Несколько секунд Мегрэ колебался. Префект рекомендовал ни с кем не говорить об этом деле.

- Прочти...

Он подтолкнул рукой листки с показаниями Николь Приер. Прочтя несколько строчек, Жанвье покраснел, как утром в префектуре покраснел Мегрэ.

- Кто же это мог...

Славный Жанвье! Он и Люка были самые старые сотрудники Мегрэ, и все они понимали друг друга без лишних слов.

- Кто? Я бы очень хотел знать это... Никому не говори об этом деле. Наш главный шеф рассматривает его как государственную тайну. Если у тебя будет время, постарайся разузнать о Жане Приере...

В тот момент, когда Мегрэ собрался выйти из комнаты, Жанвье пробормотал:

- Не расстраивайтесь, патрон...

- Я сказал, что подам в отставку, но я остаюсь. Если только меня не выгонят. Решил защищаться...

Мегрэ взял такси и через несколько минут уже входил в бистро "У Дезире". Хозяин стоял за стойкой и обслуживал группу штукатуров в белых блузах, которые зашли опрокинуть по стаканчику красного вина. В углу сидел пожилой мужчина и писал письмо. Возле него стояла чашка кофе.

Дезире достаточно было одного взгляда, чтобы узнать в Мегрэ своего ночного посетителя. Но он ничем не выдал этого. Избегая смотреть на него, он принялся переставлять стаканы и бутылки.

- Стакан белого вина... На сей раз незапечатанного...

- Шестьдесят сантимов...

Штукатуры не обращали внимания на Мегрэ. Человек с письмом тоже. Тем более, что у него были затруднения с вечным пером.

- Скажите, пожалуйста, хозяин...

Дезире нехотя повернулся к нему.

- Я ничего не забыл у вас вчера вечером? Не оставил здесь свой зонтик?

- Никто не оставлял зонтиков.

- Вы помните молодую девушку, которая ждала меня, после того как позвонила мне по телефону? Она попросила у вас один или два жетона?

Хозяин молчал с упрямым видом.

- Это меня не касается. Кроме того, я не помню, что происходило вчера вечером, и не обязан об этом говорить...

- Кто-то приходил сегодня утром и рекомендовал вам помалкивать, не так ли?

Рабочие стали прислушиваться и осматривать комиссара с головы до ног.

- С вас шестьдесят сантимов... - повторил старый упрямец.

Мегрэ положил на стойку монету в один франк и направился к двери.

- Вы забыли сдачу... Я не беру чаевых...

В отеле "Савой" на улице Эколь произошло почти то же самое. Хозяйка, полненькая женщина с крашеными рыжими волосами, сидела за бюро возле доски с ключами.

- Здравствуйте, мадам...

По взгляду, которым она его одарила, Мегрэ сразу понял, что она знает, с кем разговаривает. Однако хозяйка сделала вид, что он ей не знаком.

- Комиссар Мегрэ из уголовной полиции...

- Кто?

- Прошлой ночью я привел сюда молодую девушку. Я пришел заплатить за комнату, так как у нее не было денег...

- Вы мне ничего не должны.

- Она уплатила?

- Не важно. Вы мне ничего не должны.

- Значит, кто-то приходил сегодня утром, уплатил за нее и допросил вашего ночного дежурного?

- Послушайте, господин комиссар, я знаю, кто вы, и ничего против вас не имею. Но я не хочу неприятностей. Мне ничего не известно об этой особе. Мои книги в порядке. Ни полиция, ни налоговый инспектор никогда не могли нас упрекнуть...

- Благодарю вас...

- Простите, что я не могу ответить вам иначе...

- Я вас понимаю.

Времени зря не теряли, ничего не скажешь! Бесплезно звонить Мартине Буэ, подруге, у которой мадемуазель Приер провела вчерашний вечер, слушая пластинки. Она не скажет больше других. Мегрэ нисколько не сомневался, что Николь звонила вчера из кафе на бульваре Сен-Жермен.

Конечно, префект здесь ни при чем. Это дело не его рук. Он не любит полицейских старой школы. Это его право. Он не любит персонально Мегрэ, о котором слишком много, по его мнению, пишут газеты.

Это тоже его право.

Министр внутренних дел позвонил ему сегодня утром, чтобы сообщить о деле, которое было чревато большими неприятностями для них.

Эти люди не были ни героями, ни святыми. Они достигли занимаемых ими постов путем интриг, о которых предпочитали забыть. Чтобы удержаться на своих местах, им приходилось маневрировать.

Мегрэ попал в сомнительную, если не сказать скандальную историю. Влиятельный государственный сановник пожаловался на него и грозил обратиться в более высокую инстанцию.

Все это было в порядке вещей. А какое удовлетворение должен был испытать префект-метла, получив такую неожиданную возможность отчитать человека пожилого и пользующегося большой популярностью!

- Жанвье!..

- Иду, патрон...

Жанвье зашел в кабинет комиссара, неся перепечатанные на машинке листы. Мегрэ прочитал несколько строчек, остановился:

- Ты уверен, что ничего не пропустил?

- Я сличил с оригиналом. Но все же предпочел бы, чтобы вы сами...

- Нет! - У Мегрэ не было никакого желания перечитывать свои собственные слова. Он подписал бумагу, взял в ящике стола официальный конверт, написал на нем адрес и позвал служащего. - Немедленно отправить с нарочным в кабинет префекта полиции... Слушаю тебя, Жанвье...

- Я позвонил одному из моих друзей, адвокату, который вхож в самые высокие административные круги.

- Он знает нашего Приера?

- Да. Приер первоклассный юрист, был женат, но его жена погибла в автомобильной катастрофе лет десять назад. Его отец был судовладельцем...

- В Ла-Рошели?

- Вы угадали.

Они оба улыбнулись. Человек, когда лжет, очень редко придумывает все от начала до конца. Молодая девушка, которая рассказала ему по телефону такую трогательную историю, говорила, что она из Ла-Рошели. Ее отец судья, а отец подруги - торговец рыбой...

- Продолжай.

- Там же живет и его брат, он торгует судами. Что касается самого Приера, то он очень богат. Занимает огромную квартиру на бульваре Курсель. Еще один брат, Кристоф, был женат, имел дочь и жил в Марокко. Он покончил с собой при обстоятельствах, о которых мой друг ничего не знает. Жена его исчезла. Предполагают, что она снова вышла замуж за американца и живет в Техасе. Что касается дочери, то это и есть Николь Приер, которую вы знаете...

- Что еще?

- Девица слушает лекции в Сорбонне...

- Что она из себя представляет?

- Мой друг не имел случая узнать ее лично, но ему кажется, что его жена встречалась с ней где-то. Он поговорит с женой...

Нет никакой видимой причины, чтобы Жан Приер, докладчик Государственного совета, известный юрист, питал враждебные чувства к какому-то Мегрэ, о котором он, скорее всего, даже ничего не слышал. А тем более, чтобы он задумал против него такой коварный план, в котором его племянница рисковала своей репутацией.

- Я бы дорого дал за одну беседу с глазу на глаз с этой девчонкой.

- Боюсь, патрон, что вам не дадут этой возможности.

- Ты не догадываешься, кто может быть настолько заинтересован в том, чтобы убрать меня с пути, что затеял такую рискованную историю?

- Вы, конечно, мешаете многим... Не говоря о той шайке, которая вот уже два месяца очищает среди бела дня ювелирные магазины города... Сегодня утром на авеню Виктора Гюго был снова ограблен магазин...

- Они оставили какие-нибудь следы?

- Никаких.

- Стреляли?

- Нет. Спокойно уехали на машине. Сам ювелир так расстроился, что прошла добрая минута, пока он догадался нажать сигнал тревоги... У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

- Возможно... Где я был вчера в одиннадцать часов утра?

Жанвье это было известно, так как он сам сидел за рулем маленькой черной машины.

- У Манюэля.

- А позавчера в то же время?

- У Манюэля.

- Ага...

Три раза на одной неделе Мегрэ наносил визит Манюэлю Пальмари, бывшему хозяину "Золотого бугона" на улице Фонтен, который живет теперь как пенсионер в хорошо обставленной квартире на улице Акаций.

- Может быть, это и глупо, но у меня появилось желание снова пойти к нему и задать несколько вопросов...

Это казалось бессмысленным. Но разве события предыдущей ночи не были так же бессмысленны?

Пальмари, которого в его кругу чаще называли Манюэль, в течение тридцати лет царствовал на Монмартре, где начинал свою карьеру молодым сутенером.

Занимался ли он еще какими-нибудь делами в то время? Комиссар, тогда еще инспектор, несмотря на подозрения, ни разу не смог уличить его в чем-либо конкретном.

В течение тридцати лет многие из друзей Манюэля исчезли из окрестностей площади Пигаль. Некоторые уехали совсем, другим после нескольких лет тюрьмы было запрещено жить в Париже. Кое-кто открыл довольно подозрительные таверны.

Манюэль сумел каким-то образом приобрести "Золотой бутон". Тогда это был всего лишь жалкий кабачок, такого же типа, как "У Дезире", с той только разницей, что в "Золотом бутоне" можно было встретить в основном молодых людей с подмоченной репутацией.

Кабачок вскоре превратился в современный бар, затем в ресторан на несколько столиков. Ресторан стали посещать уже не прежние желторотые юнцы, а клиенты, приезжающие на больших американских машинах.

Мегрэ иногда завтракал там, порой задерживаясь до того часа, когда маленький зал пустел.

- Скажи, пожалуйста, Манюэль...

- Да господин комиссар...

- Этот тип со шрамом у глаза, который сидел вон там, у окна...

- Я, господин комиссар, не интересуюсь своими клиентами... Я вижу, как они входят и выходят, даю им пожрать и выпить, кладу в кассу их монеты, и... будьте здоровы...

Манюэль был врожденным актером. Он разыгрывал комедию не только для других, но и для собственного удовольствия. Случалось, что, довольный своей ролью, он подмигивал собеседнику:

- Мы давно знаем друг друга, не правда ли? Еще когда оба были более изящными, господин Мегрэ!

- И у тебя еще не было ни гроша за душой.

- Да, я натерпелся лишений, что и говорить. Лишнее доказательство того, что я никогда не марал рук...

- Или того, что ты всегда был очень хитер...

- Вы считаете меня хитрым? Да я почти не ходил в школу. Я с трудом читаю газету...

- Манюэль!

- Да!

- Этот тип со шрамом?..

- Ладно!.. Понял... Ничего особенного я о нем не знаю... Еще два месяца тому назад у него не было этого шрама... Два месяца - это значит в марте... А в марте...

А в марте недалеко от площади Пигаль, у бассейна, завязалась драка между двумя бандами. В ход были пущены пистолеты. В результате один убитый остался на тротуаре, а двое раненых исчезли, как по волшебству.

Префект-метла, который играет в теннис и который поклялся, что выметет Париж, не любит осведомителей, ему противны старые методы.

И вот к одному такому осведомителю - к Манюэлю - и направился Мегрэ в то утро. Манюэль три года назад, открывая на улице ставни своего ресторана, получил с полдюжины пуль в бедро и живот.

Из больницы, куда его отвезли, он не замедлил перебраться в одну из лучших частных клиник. Все, начиная с врачей, были уверены, что живым он оттуда не выйдет.

Мегрэ несколько раз навещал Манюэля в больнице.

Манюэль сказал тогда:

- Вы меня огорчаете, господин комиссар... У вас, полицейских, есть один крупный недостаток - вы никогда не верите людям... В машине, конечно, должно было быть два типа - одному трудно справиться с таким делом... Но честное слово, я их не видел... Сами понимаете, ведь я стоял к ним спиной... Когда поднимают железные шторы, поворачиваются спиной к улице, не так ли?

- Ты их еще не поднимал. Ты только открыл дверь.

- Но я уже повернулся лицом к дому... Подумайте сами... Ведь вы образованный человек... Какие-то типы хотели меня убить... Из-за них, как мне сказали врачи, я никогда больше не буду ходить на своих двух ногах... Мне предстоит провести остаток дней в маленькой коляске, словно я впал в детство... Что же вы думаете? Разве мне не хочется видеть в тюрьме этих подлецов?!

Так он ничего и не сказал тогда.

Автомобиль выезжал на улицу Акаций. Район был тихий и спокойный, населенный зажиточными людьми.

- Мне подняться с вами, патрон?

- Нет, поищи своего коллегу... Я не знаю, кто сегодня на посту...

- Толстяк Лурти...

- Ты найдешь его на каком-нибудь углу... Он, вероятно, сможет тебе сказать, куда ходила сегодня Алин...

Алин тоже была интересным экземпляром. Во времена "Золотого бутона" она работала в ресторане. Тогда это была еще худенькая девочка с черными, всегда растрепанными волосами, с блестящими и печальными глазами. Она была любовницей Манюэля.

В клинике он добился, чтобы Алин поместили в маленькой комнатке рядом с его палатой. По его указанию она нашла управляющего для "Золотого бутона" и время от времени заходила посмотреть, как там идут дела, и проверить выручку.

За три года она округлилась, перестала ходить с нечесанными волосами, начала кокетливо одеваться. В общем, стала дамой.

Дом, в котором жили Манюэль и Алин, был очень скромным внешне, но довольно, комфортабельным внутри - большой лифт и двери красного дерева. Поднявшись на лифте до четвертого этажа, Мегрэ позвонил в дверь слева. Он довольно долго ждал, затем услышал шум маленькой коляски на резиновом ходу.

- Кто там? - спросил Манюэль через закрытую дверь.

- Мегрэ.

- Опять?

Дверь открылась.

- Войдите... Я один... Только собрался подремать, когда вы позвонили...

У Манюэля была теперь красивая седая шевелюра, придававшая его лицу благородство. Общей презентабельности его вида способствовали безупречно белая сорочка, шелковые брюки и красные комнатные туфли. Манюэль приспособил для себя маленькую комнатку, выходящую окнами на улицу. Там находились телевизор, радиола, несколько транзисторов разного размера, газеты, журналы и до сотни детективных романов. В углу стоял красный диван и рядом с ним кресло, обитое таким же атласом.

Манюэль не курил. Он никогда не курил. И не пил.

- Вы знаете, что я не люблю бросать слов на ветер.

Я вас предупреждаю, что в один из ближайших дней рассержусь. Я свободный гражданин. У меня нет судимости. Налоги плачу аккуратно... Живу здесь как мышь в норе... Из-за своей ноги не могу выйти из квартиры.

Меня одевают и раздевают, как ребенка...

Мегрэ, хорошо зная Манюэля, ожидал конца комедии. Сейчас тот играл роль ворчуна.

- Мой телефон прослушивается. Не качайте головой, я не вчера родился на свет Божий... И вот тоже...

Мне наплевать на то, что мои разговоры записываются. Но почему не дают покоя Алин?!

- Кто-нибудь грубо обошелся с ней?

- Не притворяйтесь, господин Мегрэ... Вы хитрее меня...

- Сомневаюсь...

- Хм... Вы хотите сказать, что с трудом читающий...

Завел волынку! Он так гордился этим, как другие гордятся своими дипломами!

- Если бы я был так же хитер, как вы, Манюэль, то вы уже давно были бы в тюрьме. И вы это хорошо знаете.

- Ну вот! Опять эта старая песня... Но вернемся к Алин. Сегодня ее выслеживает какой-то верзила... Вчера - маленький брюнет... Завтра будет еще кто-то...

Она не может купить пару котлет без того, чтобы кто-нибудь из ваших ребят не следовал за ней по пятам...

Что касается вас, комиссар... Я вас очень люблю...

Но это не повод, чтобы приходиться ко мне почти каждый день, как к больному родственнику... Почему бы вам не приносить сладости и цветы!.. Если бы вы хоть раз сказали, что же все-таки хотите выведать у меня...

- Сегодня это сугубо личный вопрос...

- Для кого?

- Вы знаете Николь?

- Какую Николь? Все тротуары Парижа исхожены девушками по имени Николь... А что делает ваша Николь?

- Она посещает лекции в Сорбонне.

- Где?..

- В университете, если так вам больше нравится...

- И я должен знать девушку, которая посещает университет?

- Я вас просто спрашиваю... Ее зовут Николь Приер...

- В жизни не слышал этого имени...

- Она живет с дядей, недалеко отсюда, на бульваре Курсель... Этот дядя, Жан Приер, является докладчиком Государственного совета...

Изумление Манюэля было неподдельным, или же он был еще более способным актером, чем сама Николь.

- Вы говорите серьезно?.. Но Боже мой, я даже не знаю, что такое Государственный совет!.. Вы что же думаете, я знаком с этими шишками?

- И вы также не знаете Дезире, хозяина бистро на улице Сены?

- В первый раз слышу это имя...

- И тех двух молодцов, которые работали сегодня на авеню Виктора Гюго?..

Манюэль выпрямился в своем передвижном кресле:

- Ах вот что!.. Если вы меня угостили всей этой похлебкой, чтобы запутать, я больше не играю... Я вам по-дружески иногда помогал, сообщал кое-что... Чтобы держать бар на площади Пигаль, надо быть в хороших отношениях с полицией!.. Я слушаю радио, как и каждый человек... И знаю, что произошло сегодня утром там, где вы говорите... Но каким образом я могу быть замешан в этой истории? Уже три года, как я не двигаюсь с места и никто ко мне не ходит... Мне бы очень хотелось знать, как я мог участвовать в грабеже... В прошлый раз вы говорили со мной о ювелирном магазине на бульваре Сен-Мартен... А позапрошлый...

- Где Алин?

- Пошла за покупками.

- В этом районе?

- Не знаю... Если вам так хочется знать, она пошла купить себе бюстгальтер... Ваш инспектор сможет это подтвердить...

- А утром она выходила?

- Утром она ходила к зубному врачу, напротив...

Если бы он держал открытым окно, я мог бы видеть ее в зубо врачебном кресле...

Напротив стоял одноэтажный особняк с мансардой.

- Давно у нее болят зубы?

- Уже три дня...

Если бы Алин была у зубного врача до сегодняшнего дня, он бы уже знал об этом из доклада инспекторов, которые следят за ней в течение трех недель.

- Как его зовут?

- Кого?

- Зубного врача.

- Отсюда видна дощечка с его фамилией, но я не вижу так далеко... А вот и Алин!..

Манюэль услышал, как в замке входной двери повернулся ключ.

Глава 4

Алин ничем не выдала, что узнала Мегрэ. Войдя в комнату, где находились мужчины, она прошла мимо комиссара как мимо пустого места и, наклонившись, поцеловала Манюэля в лоб.

- Итак, папа, он опять здесь?!

Ей было двадцать два года. Пальмари приближался к шестидесяти. Однако в обращении "папа" не было ничего дочернего. В устах Алин оно звучало очень нежно. Улыбка на лице Манюэля как бы говорила: "Вы видите, какая это женщина!"

И действительно, девчонку, которая начинала свою карьеру на тротуарах и бульварах Парижа, теперь можно было принять за жену врача, инженера или адвоката.

- Нам уже осталось недолго ждать, когда он принесет сюда свою пижаму и комнатные туфли. Не забыл бы только зубную щетку и бритву...

Она произнесла эту тираду на высоких нотах, с сильным простонародным акцентом. На комиссара она не смотрела. Алин так же, как и Манюэль, с удовольствием играла на публику. Их можно было принять за двух актеров, бросающих друг другу заученные реплики. Каждый знал свою роль назубок.

Алин кинула покупки на диван и продолжала говорить, нарочно употребляя жаргон парижских предместий:

- Что ему надо на этот раз?

- Не будь такой злой с ним, Алин. Ты ведь знаешь, что комиссар мой друг.

- Может быть, твой друг, но не мой... И я терпеть не могу запах его противной трубки.

Мегрэ несколько не был шокирован поведением Алин. Он смотрел на нее, медленно посасывая трубку.

- Может быть, ты знаешь кого-нибудь из Государственного совета, а? - с иронией спросил у нее калека.

- Если он этим интересуется, то скажи ему, что я даже не знаю, что это такое...

В это время зазвонил телефон. Манюэль нахмурился, посмотрел на аппарат, затем на комиссара.

- Алло... Да, он здесь... Это вас, господин Мегрэ...

- Что я говорила!.. Ему скоро станут присылать письма на наш адрес.

- Алло... Да... Я слушаю...

Это был Жанвье. Он звонил из маленького кафе на той же улице.

- Звоню на всякий случай, патрон... Лурти стоит возле меня... Девчонка сумела увильнуть от него... Выйдя из дому, она направилась прямо к станции метро "Терн"... Взяла билет первого класса и сошла на платформе той линии, что ведет на площадь Звезды. Лурти следовал за ней... Когда она вошла в вагон, он проскользнул туда через другую дверь... В тот момент, когда дверь закрывалась, Алин выскочила на платформу, а Лурти не успел... Он вернулся сюда, а она только что приехала на такси...

- Благодарю.

Алин уселась на диван рядом со своими пакетами, положив ногу на ногу. Она продолжала смотреть на Манюэля, а не на гостя, будто поклялась никогда с ним не разговаривать.

- Эти полицейские... Сколько бы они ни сменяли друг друга, я сразу узнаю их... У сегодняшнего верзила был такой вид, будто его вот-вот хватит удар...

- Скажи мне, малютка...

- По-моему, папа, мы с ним вместе свиней не пасли...

- Я буду называть вас мадемуазель...

- А не будет ли правильней, чтоб он называл меня мадам?

Она издевалась над комиссаром. Манюэль, гордясь своим детищем, смотрел на нее с нежностью.

- Уверяю тебя, Алин, что он не хочет нам плохого...

- Почему вы увильнули от полицейского, который шел за вами?

- А разве ему самому никогда не приходилось менять свои намерения в последнюю минуту? - Она все еще продолжала обращаться к Манюэлю. - Сначала я собиралась поехать в "Галери"... А как только вошла в метро, подумала, что найду все, что мне надо, в своем районе...

Эта маленькая война длилась уже давно. Задолго до появления Алин. Она началась между Пальмари и комиссаром еще тогда, когда Манюэль, молодой, тощий и без гроша за душой, купил вдруг за наличные деньги бар на улице Фонтен. Это произошло через несколько недель после ограбления одного ювелирного магазина.

Налетчики действовали необычайно дерзко. Двое разбили витрину ударом молотка, набрали драгоценностей, сколько можно было захватить в пригоршни, совершенно не обращая внимания на прохожих, слишком ошеломленных, чтобы как-то реагировать, и на владельца магазина,

онемевшего за прилавком. Затем они вскочили в автомашину, где их ждал сообщник, и растворились в уличном движении.

Ни драгоценностей, ни преступников так и не нашли. В течение последующих двух лет было произведено до десятка подобных налетов, пока наконец не поймали одного из налетчиков - молодого, еще не обстрелянного Ханаро. Он никого не выдал и получил пять лет.

Пальмари, все более и более процветая, превратил свой кабачок в элегантный бар, а затем и в дорогой ресторан.

"Дела идут неплохо, - обычно отвечал он Мегрэ, когда тот с невинным видом спрашивал его. - Я еще недурно зарабатываю и на лошадаках..."

И действительно, по воскресным дням он закрывал свое заведение и отправлялся либо в Отей, либо в Лонгшам, либо в Венсен - в зависимости от времени года.

Три раза грабители ювелирных магазинов попадали за решетку. Почти все они были клиентами "Золотого бутона". Никто не назвал людей, которые помогали им сбывать краденый товар.

Потом в течение четырех лет было затишье. А затем последовало несколько ограблений ювелирных магазинов методами, отличными от прежних. Как будто старый шеф сформировал новую банду...

- Послушай, малютка...

- Опять он называет меня малюткой!

- Довольно!.. Я могу вернуться с ордером или, если вы предпочитаете, допросить вас в моем кабинете...

Знаете ли вы некую Николь Приер?..

Она раздумывала, снова повернувшись к Манюэлю.

- А ты ее знаешь? Мне это имя ничего не говорит.

- Молодая девушка, живет на бульваре Курсель с дядей, важным чиновником...

- Ты знаешь важных людей, папа? Кроме комиссара, конечно!

- Ну что ж, придется мне еще вернуться... Единственно, что я хочу сказать вам обоим, Манюэль поймет меня, - в Париже есть люди, или, может быть, один человек, которые решили избавиться от меня...

Алин открыла рот для новой шутки, но ее возлюбленный сурово посмотрел на нее, приказывая ей замолчать. Внезапно он заинтересовался:

- Вас хотят уничтожить?

- Нет. Они добиваются моей отставки. Вернее, моего ухода на пенсию...

- Это, безусловно, устроило бы многих...

Алин не могла удержаться от реплики:

- Начиная с меня!

- Продолжайте, господин комиссар.

- Мне подбросили эту девчонку...

- И вы клюнули на приманку?

- Нет.

- Я бы удивился, если бы было не так. Помню, в свое время я тоже пытался...

- Результат тот же. Со мной довольно ловко разыграли комедию, в которой я исполнял достаточно неприглядную роль соблазнителя...

- Этой самой Николь?

- Да. - Мегрэ серьезно посмотрел в глаза Манюэлю. - Я кого-то очень сильно стесняю. Человека, которого должен не сегодня-завтра поймать на месте преступления...

Он сделал паузу. Манюэль, ставший очень серьезным, повторил:

- Продолжайте.

- Этот человек, похоже, очень умный, должно быть, он в курсе моих привычек и методов работы... Он чувствует, что я его вот-вот поймаю, и решил, что, избавившись от меня, сможет продолжать свои занятия. Вам никто не приходит на ум, Манюэль?

Алин молчала. Она чувствовала, что ей не следует вмешиваться в разговор двух мужчин. Они коснулись такой области, которая была выше ее понимания.

- Это тоже может быть делом рук какого-нибудь маньяка... - начал Манюэль.

- Я думал и об этом. Кроме того, я рассматривал возможность мести... Я пересмотрел список дел, которыми занимался в последнее время и даже в последние дни. Ни у кого из тех, кто замешан в этих делах, нет ни повода, ни возможности нанести мне подобный удар...

- И вы пришли ко мне просить совета?

- Вы хорошо знаете, что последнее время полиция преследует вас по пятам...

- И что вы установили слежку за Алин... Я часто задаю себе вопрос - почему?..

- Возможно, вы об этом скоро узнаете...

- Если вас не заставят выйти в отставку, насколько я понимаю.

- Вот именно.

- Значит, вы подозреваете меня в том, что я сочинил всю эту музыку с девушкой, о которой идет речь, племянницей какой-то важной персоны...

- Во всяком случае, я решил повидать вас...

Наступило довольно многозначительное молчание.

- Вам не известен кто-нибудь, кто способен выполнить такой план?

- Мне известны люди, которые хотели бы всадить вам пулю в живот, но им никогда не пришлось бы в голову сыграть с вами такую шутку, как эта... - Откашлявшись, он продолжал:

- Что касается меня, то я, конечно, не святой, но клянусь вам головой Алин, что до вашего прихода ничего не слышал об этой истории.

В комнате снова зазвучал голос Алин. На этот раз она уже обращалась не к Манюэлю. И говорила не на высоких нотах. Простонародный акцент почти исчез.

- Если вы расскажете все, что с вами случилось, может быть, мне что-нибудь придет в голову... Когда вопрос касается женщины, лучше всего обратиться к другой женщине...

Префект-метла задохнулся бы от негодования, если бы узнал, что дивизионный комиссар, шеф криминальной бригады, сделал своими наперсниками бывшую проститутку и человека, которого, правильно или не правильно, считают одним из крупных нарушителей закона.

Мегрэ коротко пересказал приключения прошлой ночи. Алин не улыбалась. Она слушала внимательно, застыв на краю дивана.

- У вас есть ее фото?

- Нет.

- И вы еще не ходили на бульвар Курсель, чтобы поговорить с ней по душам?

- Я не имею права.

- По моему мнению, старина, эта девушка в кого-то втюрилась по уши!

Мегрэ живо обернулся к Алин, пораженный ее восклицанием:

- Почему втюрилась?

- Поставьте себя на ее место... Перед вами девушка из хорошей семьи, богатая, живет с дядей, важным господином, и так далее, и так далее... Она вас никогда не видела... Она знает о вас только из газет... И все же разыгрывает с вами комедию, которая могла плохо кончиться... Она возвращается домой в восемь часов утра, зная, что разъяренный дядя поджидает ее у дверей и конечно же не обойдется без вопросов... Сколько, вы сказали, ей лет, этой девушке?

- Восемнадцать.

- Как раз подходящий возраст... Если хотите знать мое мнение, то эта девчонка без ума от какого-то парня, который делает с ней все, что хочет... Он продиктовал, как она должна себя вести, и разработал сценарий до мельчайших деталей... Как только вы найдете его... - Затем она быстро спросила у Манюэля:

- Что ты скажешь на это, папа?

- Я согласен с тобой... Эта история мне не нравится...

Не переглянулись ли они с улыбкой, как только комиссар вышел за дверь? Мегрэ, пожалуй, мог бы поклясться, что нет. Он оставил их скорее озабоченными.

Разыскивая быстро, где его ожидали помощники, комиссар чувствовал себя не самым лучшим образом.

Ничего нового узнать ему не удалось. Вскоре он нашел их в кафе рядом с особняком зубного врача.

- Маленькую рюмку коньяку!

- Прошу прощения, патрон, - пробормотал Лурти, облокотившись на стойку, - я не мог предвидеть, что эта женщина...

- Ладно...

- Мне остаться?

- Дождитесь смены... Пойдем, Жанвье...

В машине Мегрэ сказал:

- Поезжай по бульвару Курсель...

Он смотрел на номера. 42-й был как раз напротив главных ворот парка Монсо с решеткой, украшенной позолоченными пиками. Дом был огромный. По бокам широкого и высокого подъезда стояли два швейцара. И можно было легко представить себе экипажи, которые когда-то въезжали во двор, где конюшни были переделаны в гаражи...

В глубине души Мегрэ называл такие дома крепостями. Здесь царствовала не консьержка, а швейцар в ливрее. И конечно же здесь не пахло рагу. Лестница должна быть мраморная. Комнаты огромные, с высокими потолками. Полы покрыты коврами, которые заглушают шум шагов.

Эти большие дома в лучших кварталах произвели на Мегрэ, когда он только приехал в Париж, огромное впечатление. Лакеи тогда еще носили полосатые жилеты, горничные - кружевные капоры, няньки, катающие в парке детские коляски, - английские униформы.

С тех пор ему не раз приходилось по делам следствия бывать в этих домах, и он постоянно испытывал чувство стеснения, может быть, даже какого-то раздражения, которое, однако, происходило совсем не от зависти.

Он знал по опыту, что большинство людей, живущих в этих домах, были в какой-то степени неприкосновенны. Если они сами не были влиятельными особами, у них были высокопоставленные друзья, которым они грозили пожаловаться. Как это сделал Приер, позвонив непосредственно министру внутренних дел.

Жанвье замедлил ход. Машина почти остановилась.

Комиссар пробормотал сквозь зубы:

- Распутница!.. - Затем, сознавая свое бессилие, как бы покорившись неизбежному, с горечью произнес:

- Поехали!.. На набережную Орфевр...

На набережную Орфевр, где он имел право допрашивать кого угодно и когда угодно. Кого угодно, кроме таких людей, как мадемуазель Приер. Жанвье молчал. Он понимал, что сейчас не время разговаривать.

- Молодая девушка такого круга, по всей вероятности, ездила за границу, - внезапно сообразил Мегрэ. - В таком случае у нее должен быть заграничный паспорт.

Значит, в полицейской префектуре на нее заведена карточка с фотографией.

Он хорошо знал канцелярию, где эти карточки хранились в металлических ящиках, выкрашенных в зеленый цвет. Много раз ему приходилось обращаться к чиновнику, который ведал этими карточками, некоему Лорио. Тот без колебаний открывал ему свои шкафы.

Но не по делу Николь Приер! Ему придется пойти другим путем. Алин была права: необходимо как можно скорее получить фотографию этой девушки.

- У Барнакля все еще есть его лейка?

- Он скорее расстанется с женой, чем с фотоаппаратом...

- У него есть жена?

Удивительное дело! В течение тридцати лет, что Мегрэ знал инспектора Барнакля, он ничего не слышал о его личной жизни. Считал Барнакля холостяком. Всегда в черном, с лоснящимися локтями, с бахромой на манжетах костюме, который он носил годами и на котором всегда не хватало пуговиц, этот инспектор производил впечатление человека, согнувшего спину под тяжестью неудачно сложившейся жизни. Барнакль скорее походил на вдовца, который совсем недавно потерял жену и еще не имел времени справиться со своим горем.

Он уже работал на Набережной, когда Мегрэ в первый раз переступил порог уголовной полиции. Мегрэ всегда обращался к нему "господин Барнакль", так что все инспекторы тоже называли его так, правда, с оттенком иронии.

Войдя в свой кабинет, Мегрэ позвал привратника:

- Попросите ко мне господина Барнакля, если он здесь.

Рабочий день подходил к концу. Было почти шесть часов. Солнце все еще стояло высоко, и по-прежнему не чувствовалось прохлады.

- Вы звали меня, господин комиссар?

- Присядьте, господин Барнакль...

Инспектор был старше всего на два с половиной года. Неужели через два с половиной года у Мегрэ будет такое же покорное выражение лица, такие же глаза без радости, без любопытства, такая же дряблая старческая кожа и такие же усталые плечи?

А может быть, Барнакль всегда был таким? Он женат. Значит, был когда-то влюблен, дарил фиалки. Этому трудно сейчас поверить.

Барнакль, безусловно, был не семи пядей во лбу, но, если он напал на след преступника, не оставлял его, пока не доводил дело до конца.

- Мне хотелось бы дать вам одно поручение, господин Барнакль, но я в нерешительности. Если о нем узнают, вы рискуете получить отставку раньше времени.

- Это значит, что я на три месяца раньше перестану сбиваться с ног...

В его голосе не прозвучало упрека. Барнакль не был озлоблен, никогда ни на кого не сердился.

- Я выполню ваше поручение, господин комиссар.

- Мне нужна фотография одной молодой девушки... Где, когда и как вы ее сфотографируете - это ваше дело...

- У меня есть опыт по этой части.

Действительно, к таланту Барнакля-фотографа прибежали очень часто.

- Она живет на бульваре Курсель и посещает лекции в Сорбонне. На бульваре Сен-Жермен живет ее подруга, дочь доктора Буэ. Его телефон вы найдете в телефонной книге. Больше мне ничего не известно.

Ни где она еще бывает, ни где проводит досуг.

- У нее есть машина?

- Если и есть, то недавно - ей только восемнадцать лет. Дядя ее - докладчик Государственного совета. У него, конечно, есть и машина, и шофер...

Должен вас предупредить, что, если вы задумаете обратиться к консьержке, дядя немедленно сообщит об этом префекту... Префект самым строжайшим образом запретил мне заниматься этой девушкой... Картина ясна?

- Это, пожалуй, только отнимет у меня немного больше времени... Вы можете дать мне ее приблизительный портрет?

Мегрэ описал внешность Николь Приер.

- Весьма возможно, что в такую погоду она не сидит дома, - самому себе сказал Барнакль. - Такие люди обедают поздно... Пожалуй, у меня еще есть время... - В дверях он обернулся и, улыбнувшись, сказал:

- Только прошу вас, в случае каких-либо неприятностей, не хлопчите обо мне и не расстраивайтесь... - Оказывается, эта покорная овечка Барнакль за три месяца до отставки проявляет себя совсем в другом качестве. Он добавил заносчиво:

- Они не имеют права трогать мою пенсию... Они обязаны дать мне ее, вы понимаете!.. Это мои собственные деньги.

Деньги, которые они у меня удерживали все эти долгие годы...

Мегрэ подписал бумаги, лежавшие на столе. Ничего нельзя было предпринять до получения фотографии.

Он чувствовал себя опустошенным, никому не нужным.

По привычке, как каждый вечер перед уходом с работы, Мегрэ зашел в соседнюю комнату. Там сидел Люка.

- Зайди ко мне на минутку...

Мегрэ сердился на себя за то, что не рассказал Люка о своих неприятностях. Причина заключалась не в приказе префекта - ведь он посвятил в свои дела Жанвье, - просто у него не хватило мужества снова повторить этот унижительный рассказ.

- Входи... присаживайся...

- У вас неприятности, патрон?

- Пожалуй... Ты, случайно, не знаешь кого-нибудь из студентов, посещающих лекции в Сорбонне?

- Какие лекции?

- Не знаю.

Люка уперся взглядом в ковер, размышляя.

- Я очень хорошо знаю одного из швейцаров в Сорбонне, дальнего родственника моей жены... Но это всего лишь швейцар...

- Вы с ним в хороших отношениях?

- Мы с ним встречаемся один раз в три или четыре года на каком-нибудь семейном сборище - на свадьбе или похоронах...

- Ты можешь позвонить ему и назначить где-нибудь свидание? В каком-нибудь кафе, например.

- Я сейчас узнаю, на работе ли он.

- Позвони отсюда.

Человека, состоящего в родственных отношениях с мадам Люка, звали Оскар Кутан, и в конце концов он оказался на другом конце провода.

- Это Люка... Как поживаешь? Нет... Она чувствует себя хорошо... просила передать тебе привет... Тетя Эмма?... Мы не видели ее уже почти три месяца. Все такая же глухая, да... Послушай, я хотел бы встретиться с тобой, мне нужно спросить тебя кое о чем... Ничего особенного... Но мне не хотелось бы показываться там, у тебя... В половине седьмого? Я как раз успею приехать. Первый переулочек налево, если идти от бульвара Сен-Мишель? Я там буду. - Люка бросил на Мегрэ вопросительный взгляд. - Договорились... До скорого, старина. - И комиссару:

- Я его поймал в тот момент, когда он собирался уходить. Он будет ждать в баре на улице Месье-ле-Пренс. Он обычно останавливается там по пути, чтобы выпить аперитив.

Что я должен спросить?

- Мне лучше пойти с тобой. Быстро вызови такси.

В который уже по счету бар должен был зайти Мегрэ за последние двадцать четыре часа? Конечно, он мог бы заказывать не вино, а фруктовые соки...

У Оскара Кутана, несмотря на его сорок лет, был нездоровый вид человека, сидящего целыми днями на одном месте и питающего пристрастие к аперитивам.

Чувствовалось, что он очень гордится своим положением. Он работал в Сорбонне! Знаменитые профессора пожимали ему руку. Студенты, которых он не стеснялся при случае пожуричь, носили известные всему Парижу фамилии и станут в один прекрасный день банкирами и министрами.

- Познакомься с комиссаром Мегрэ, моим патроном.

- Очень, очень рад! Я вас никогда не видел у нас. - По-видимому, он имел в виду не свою собственную квартиру, а Сорбонну. - К вашим услугам, господин комиссар. Всегда приятно познакомиться со знаменитым человеком... Что вы будете пить? Маленькую рюмку анисовой, не так ли?... Жюль! Две анисовые... Итак, вас интересует одна из наших девушек?

- Вы, вероятно, знаете одну из ваших студенток по имени Николь Приер?

- Да, да, она принадлежит к компании молодых людей - их там человек двадцать, - что приезжают на роскошных автомобилях: "ягуарах", "феррари" и каких-то там еще. Они оставляют их на стоянке профессорских машин. Правда, далеко не у всех профессоров есть машины, многие ездят на метро. С этими девчонками и мальчишками хлопот у меня много.

- На каком она факультете?

- Подождите, я сейчас вспомню... У меня столько имен в голове, сразу и не сообразишь...

Его послушать, так вся Сорбонна держится на его плечах.

- Ну вот, вспомнил... Она учится на факультете истории искусств еще с одной своей приятельницей, дочерью врача Буэ...

- А кто еще принадлежит к этой компании?

- Самый отчаянный среди них - сын южноамериканского посла, он ездит на синем "феррари"... Его зовут Мартинес, и с ним всегда куча девчонок... Еще один - высокий блондин - сын владельца химических заводов Даримана... Но знаете, они там часто меняются... то видишь какую-нибудь новенькую девушку, то нового парня. Все вечера и даже часть ночи они проводят в одном клубе...

- Вы знаете в каком?

- О нем писали в газетах. Я, конечно, не бываю в таких местах, сами понимаете, поэтому не очень-то в курсе. Он находится не то на Гранд-Армс, не то где-то поблизости. В ресторане на первом этаже могут питаться все, у кого есть на это деньги. А клуб находится в полуподвальном помещении, и, кажется, для того, чтобы туда войти, надо быть членом... Пойдите...

Я хочу вспомнить название клуба... Оно у меня на кончике языка...

- Клуб "Сто ключей"? - высказал предположение Люка.

- Совершенно верно! Откуда ты знаешь?

- Как и ты, прочел это название в газете. Когда кого-нибудь принимают в члены клуба, ему вручают позолоченный ключ, которым он якобы открывает двери клуба.

Мегрэ поднялся:

- Благодарю вас, и простите за беспокойство...

На бульваре Сен-Мишель он остановил такси, устало опустился на сиденье и сказал:

- Бульвар Ришар-Ленуар.

- Понятно, господин комиссар.

Наверное, префект скоро запретит водителям такси узнавать Мегрэ в лицо!

Глава 5

Как только мадам Мегрэ узнала шаги мужа на лестнице, она открыла дверь. В квартире пахло воском.

- Прости, что застаешь квартиру в таком виде, но, когда мне позвонили, что ты не придешь завтракать, я решила воспользоваться твоим новым делом, чтобы натереть паркет. Что с тобой? Ты чем-то озабочен?

- Я действительно занят новым делом, как ты сказала. Делом Мегрэ.

Он довольно принужденно улыбнулся. Очень горько к концу своей карьеры узнать, что твой начальник сомневается в тебе, особенно если этот начальник такой тщеславный и надменный петух, как префект.

Хотя возмущение, которое он испытывал утром, несколько рассеялось, где-то на дне души осталась горечь, которую он весь день тщательно скрывал от своих помощников.

- Очень может быть, что мы попадем в свой деревенский домик раньше, чем предполагали...

- О чем ты говоришь?

- Об истории, что произошла прошлой ночью...

Девушка, которая мне звонила и просила приехать выручить ее из беды...

- Ради Бога, не говори мне, что ее нашли мертвой!..

- То, что случилось, для меня, пожалуй, еще хуже...

Она вернулась домой в восемь часов утра. Живет девица на бульваре Курсель с дядей - важным государственным чиновником...

- Странно. Весь день я думала об этой девушке и о том, что она тебе рассказала. Что-то мне не нравилось в этой истории.

- Она обвиняет меня в том, что я затащил ее, когда она была в полубессознательном состоянии, в комнату какой-то гостиницы и против ее воли раздел...

- Кто же поверил в этот бред?

- Похоже, все эти господа, начиная с министра внутренних дел и кончая префектом полиции...

- Ты подал в отставку?

- Еще нет.

- Будешь защищаться, надеюсь?

- Я пытаюсь делать это с одиннадцати часов утра...

С этой целью хочу пригласить тебя пообедать в ресторане...

- Очень кстати. Не зная, когда ты вернешься, я не приготовила ничего горячего. А что ты хочешь, чтобы я надела?

- Самое лучшее, что у тебя есть.

Через несколько минут, принимая душ, он пытался расслышать, что ему говорит жена.

- А ты допросил девушку?

- Мне запретили приближаться не только к ней, но даже к ее дому.

- Зачем она это сделала? Ты имеешь какое-нибудь представление?

- Еще нет... Возможно, сегодня вечером узнаю...

Мадам Мегрэ не потеряла самообладания и первой произнесла слово "отставка". Ни на одно мгновение она не усомнилась в своем муже и не утратила хорошего настроения.

- Куда мы идем?

- В один ресторан на авеню Гранд-Арме.

Они спустились в метро. Коллеги частенько язвили по этому поводу. Мегрэ был одним из немногих на набережной Орфевр, кто не имел своей машины. Отчасти это произошло оттого, что в молодости, когда он мог получить от автомобиля удовольствие, у него не было денег. Теперь же было слишком поздно учиться править машиной.

- О чем ты думаешь?

- Ни о чем...

Ни о чем и обо всем. О жизни, о своей карьере, об утреннем свидании с префектом, о Манюэле в его коляске для калек, о странной девушке Алин.

Ресторан с затянутыми тюлем окнами находился почти в конце авеню. Это было комфортабельное, элегантное, но наполовину пустое заведение, так как часть обычных посетителей уже либо выехала за город, либо к морю. Направо от входа находилась лестница, ведущая на нижний этаж. На дверях висела плотная красная портьера.

- Желаете столик у окна?

- Нет, здесь.

Мегрэ выбрал место напротив лестницы, усадил жену в кресло и стал изучать меню.

Метрдотель, приняв заказ, отошел от столика и прошептал своим официантам:

- Это комиссар Мегрэ...

Все с любопытством посмотрели в его сторону. Мегрэ уже привык к этому, но, вопреки мнению префекта, такое вовсе не было ему приятно.

- У тебя были особые причины для выбора этого ресторана? Мы раньше никогда сюда не наведывались.

- Я был здесь как-то по делу... Если не ошибусь, то сегодня встречу одного международного жулика, который имел обыкновение бывать тут.

- Ресторан выглядит довольно респектабельно...

- Международные жулики едят только в респектабельных ресторанах и останавливаются только в респектабельных отелях.

Было десять часов. Вошла молодая женщина и направилась к лестнице. Судя по ее виду, она, скорее всего, была служащей при гардеробе или туалете. Еще минут через десять вошел мужчина с усталым лицом.

Он также не принадлежал к золотой молодежи. Из тех, что приказания не отдают, а выполняют.

Клуб внизу должен был открыться позднее, и сейчас там наводили порядок, как это обычно делается по утрам в маленьких барах и кафе.

Они болтали понемногу обо всем. Порой, когда Мегрэ не смотрел в сторону жены, она бросала на него беспокойные взгляды, пытаясь определить, до какой степени он расстроен.

- Будьте любезны, - подозвал метрдотеля Мегрэ. - Клуб, который там, внизу...

- Клуб "Сто ключей"...

- Почему "сто?"

- Это не моя область. Я занимаюсь только рестораном, а не клубом.

- Туда может войти каждый?

- Нет. Только член клуба.

- А как туда записаться?

- Вы действительно хотите стать его членом?

Служащий ресторана казался очень удивленным.

Смотрел по очереди то на комиссара, то на его жену, которая краснела под его пытливым взглядом.

- Вас это удивляет?

- Нет... То есть да, - замялся тот. - Этот клуб в основном посещает молодежь, которая приходит сюда потанцевать. Они скоро начнут собираться... Если хотите, я позову распорядителя клуба.

Не дожидаясь ответа комиссара, он быстро спустился по лестнице и вскоре вернулся в сопровождении молодого человека в смокинге. Лицо его показалось Мегрэ знакомым.

- Месье Лендри. Он даст вам исчерпывающие сведения...

- Я счастлив, мадам. Не многие в Париже могут похвастать знакомством с вами. Муж неохотно показывает вас публике... Вы разрешите? - Он уселся на стул, вынул из кармана серебряный портсигар.

- Надеюсь, вас не побеспокоит дым?

Ему было лет тридцать пять. Смокинг безукоризненного покроя сидел на нем как влитой. Чувствовалось, что Лендри привык носить его каждый вечер.

Красивый молодой человек. Его, пожалуй, можно было упрекнуть лишь в излишней самоуверенности.

Улыбка у него была чарующая, но вместе с тем чувствовалось, что при малейшей угрозе он может выпустить когти.

- Мне сказали, что вы интересуетесь нашим клубом.

- Я бы хотел стать его членом. Если только не существует возрастного ценза...

- Вначале вопрос ставился именно так. Говорили о тридцати годах, как о предельном возрасте, но это закрыло бы дорогу многим интересным людям... А вы слышали о "Ста ключах", господин комиссар?

- Слышал кое-что. И я несколько удивлен, что вижу вас здесь. Мне сказали, что вы являетесь распорядителем...

- Секретарем, распорядителем, в общем, мастером на все руки. Слово "распорядитель" сейчас в моде.

Мегрэ знал Лендри еще тогда, когда ему было не больше восемнадцати лет. Он приехал из провинции.

Отец Лендри был директором почтового управления в Анжере или Туре, во всяком случае, в одном из больших городов на берегу Луары. Горя нетерпением как можно скорее сделать карьеру в столице, юноша стал писать светские хроники для газет, ловко проскальзывая на приемы и коктейли, где мог приблизиться к известным людям.

Однажды он явился к Мегрэ на набережную Орфевр, с апломбом предъявил карточку корреспондента еженедельного журнала, который специализировался на сенсационных разоблачениях. Видно было, что Марсель Лендри не сомневался ни в чем, и особенно в себе.

- Вы понимаете, господин комиссар, наших читателей интересуют не только успехи уголовной полиции. О них ежедневная пресса достаточно пишет. Читателей интересует закулисная сторона учреждения, где, если можно так выразиться, стирается все грязное белье Парижа... Надеюсь, это выражение не шокирует вас. Само собой разумеется, о том, чтобы публиковать имена, речи быть не может. Могу добавить, что мой журнал не остановится перед любой названной вами суммой...

Лендри был слишком молод в то время, чтобы Мегрэ мог на него всерьез рассердиться. Он просто довольно любезно выставил его за дверь. Через два или три года Мегрэ услышал его голос по радио - самоуверенный молодой человек работал диктором коммерческого отдела.

Затем какой-то период его нигде не было видно.

Лендри был из тех людей, которых в течение какого-то времени встречаешь повсюду, пожимаешь им руки, не зная даже толком, кто они такие. Потом они внезапно исчезают и спустя некоторое время вновь всплывают в совершенно ином обличье.

Какими делами занимался Лендри все эти годы?

Если и нарушал закон, это не доходило до полиции.

Одно время он был секретарем известной артистки оперетты, при которой играл роль кавалера-слуги. Оставив эту службу, он написал воспоминания, в основном рассказывающие об интимной жизни этой звезды.

Артистка возбудила против него судебное дело. Выиграла она или проиграла, Мегрэ не знал.

И вот Лендри снова перед ним, улыбающийся, правда, несколько нервозно, постаревший на шестнадцать-семнадцать лет, но все еще поразительно молодой и свежий.

- Клуб "Сто ключей", видите ли, отличается от других клубов, которые каждую неделю открываются в Париже, тем, что это настоящий клуб. Для того чтобы пройти за красный занавес, надо действительно быть его членом. Что касается цифры "сто", то она определяет тот предел, дальше которого не будет принят ни один человек. На сегодня принято восемьдесят пять или восемьдесят шесть членов.

- Молодые люди принадлежат, по-видимому, к богатым семьям?

- Чтобы ограничить доступ, мы назначили вступительный взнос в шестьсот франков. А что касается цен на напитки, то они почти не превышают стоимости в баре... Вы танцуете?

Мегрэ от удивления не сразу понял вопрос:

- Как вы сказали?

- Я спрашиваю, любите ли вы танцы, современные танцы, разумеется, так как вы, вероятно, понимаете, что здесь танцуют не вальс и не польку. Вы тоже танцуете, мадам Мегрэ?

Не зная, что ответить, она посмотрела на мужа, призывая его на помощь.

- Мы оба танцуем. Вас это удивляет?

- Немного... Мнение, которое сложилось о вас...

- Как о толстом грубияне, который сосет свою трубку и брюзжит...

- Я этого не сказал... Вы серьезно хотите записаться?

- Серьезно.

- Вы знаете кого-нибудь из членов клуба, которые могли бы вас рекомендовать? Это тоже должно убедить вас в том, что у нас настоящий клуб. Каждый кандидат должен быть представлен двумя поручителями, и комитет, состоящий из двенадцати человек, решает, принять его или нет...

- Если вы дадите мне посмотреть список членов клуба, я уверен, что найду там более чем двух знакомых мне людей, которые смогут поддержать мою кандидатуру...

Марсель Лендри оставался невозмутимым. Оба понимали, что разыгрывают комедию. Лендри бросил на комиссара пыливый взгляд, скорее заинтригованный, чем встревоженный. Улыбка снова появилась на его лице, когда, вернувшись, он протянул Мегрэ книгу для записей:

- Эта тетрадь всегда находится на маленьком столике за портьерой. Как видите, в ней указаны не только имена и адреса членов клуба, но также имена и адреса их поручителей... Я буду очень удивлен, если вы найдете среди них ваших клиентов.

Мегрэ стал просматривать список, почти весь состоящий из имен сыновей и дочерей парижской элиты.

- Эту тетрадь можно рассматривать как справочник "Весь молодой Париж". Некоторые учатся и сейчас редко появляются здесь, так как идут экзамены. Другие служат. Есть и супружеские пары...

Список пестрел "хорошими" адресами. Адресами, которые уже сами по себе указывали на принадлежность к определенному классу.

Мегрэ водил пальцем по странице.

- "Франсуа Мелан, 38 лет, стоматолог, улица Акаций, 32", - прочел он. - Не тот ли это дантист, который живет в небольшом собственном особняке?

- Признаться, никогда не был у него дома. Он часто приходит сюда, хотя и не танцует. Производит впечатление исключительно порядочного человека...

Палец снова двинулся вниз по странице - и снова остановился. Мегрэ сделал над собой усилие, чтобы не выдать интереса.

- "Николь Приер, 18 лет, бульвар Курсель, 42".

Но самое интересное было дальше, в колонке для поручителей. Поручителями Николь оказались доктор Франсуа Мелан и Мартина Буэ.

- Мадемуазель Буэ - это такая высокая блондинка?

- Я вижу, вы ее знаете. В нашем клубе она танцует лучше всех. Очень дружна с мадемуазель Приер...

- Мадемуазель Приер часто приходит?

Пальцы Лендри слегка постукивали по столу. Возможно, ему не в чем было себя упрекнуть, но в той сомнительной карьере, которую он избрал, и при его честолюбии было бы неблагоприятно восстанавливать против себя полицию.

Что касается мадам Мегрэ, то она с любопытством наблюдала за работой мужа. Такая возможность представилась ей впервые, и она изо всех сил старалась догадаться, что скрывалось за внешне ничего не значащими репликами, которыми обменивались двое мужчин.

- Мадемуазель Приер - одна из наших постоянных клиенток. Она бывает не реже двух-трех раз в неделю.

- Одна?

- Одна или с компанией.

- Девушка остается до закрытия клуба?

- Довольно часто.

- В котором часу клуб закрывается?

- Это зависит от посетителей. Члены клуба иногда приводят с собой какую-нибудь звезду театра или кино, певца, певицу, в общем, знаменитость. В таких случаях бывает, что мы задерживаемся и закрываемся лишь в шесть утра. Но чаще всего в два-три часа ночи уже никого нет...

- Мадемуазель Приер приходила сюда со своим дядей?

- Один раз, вначале. Для большинства молодых девушек это стало традицией. В первый вечер родители хотят все увидеть своими глазами. Месье Приер нас всех удивил. Мы ожидали увидеть чопорную особу...

Вы его знаете?

- Нет.

- Он докладчик в Государственном совете. Говорят, один из наших самых ученых юристов... И вот, представьте себе мужчину пятидесяти или пятидесяти пяти лет, широкоплечего, с маленькой бородкой и густыми бровями. Он заказывает двойную порцию виски, а через четверть часа выходит на круг и начинает танцевать с племянницей... Месье Приер пробыл часа два, а уходя, сказал, что, если бы не имел привычки рано вставать, задержался бы еще.

- Он больше не приходил?

- Нет.

- И прошлой ночью тоже не был?

- Конечно нет.

- С кем явилась мадемуазель Приер вчера ночью?

- Вчера ночью? Постойте!.. Прошлой ночью я ее не видел.

- А ее подругу?

- Вы имеете в виду Мартину Буэ? Я ее тоже не видел...

- Благодарю вас...

- Так вы нашли возможных поручителей?

- Их вполне достаточно... Я вижу, члены вашего клуба начинают съезжаться.

- Да, мне пора спуститься вниз.

- Между прочим, вы знакомы с Манюэлем?

- Он актер?

- Манюэль Пальмари.

- А что он делает?

- Ничего.

- Не помню, пожалуй, нет. А я должен его знать?

- Лучше не надо. Еще раз благодарю вас, месье Лендри.

- У вас нет желания посмотреть клуб?.. А у вас, мадам?.. В таком случае разрешите мне попрощаться.

Когда они вышли из ресторана, мадам Мегрэ спросила:

- Ты узнал то, что хотел?

- Я узнал много разных вещей, но не могу еще определить их значения... Так как мы находимся в этом районе, пройдем, пожалуй, по улице Акаций.

По дороге комиссар вздохнул:

- Лишь бы у Николь Приер не появилось желания сегодня вечером потанцевать в клубе.

- Ты думаешь, он ей расскажет?

- Лендри, конечно, предупредит ее, скажет, что я настойчиво расспрашивал о ней... И если мадемуазель передаст это дяде, мы можем завтра же упаковывать чемоданы.

Он проговорил все это довольно бодро, но тон его не обманул мадам Мегрэ.

- Ты огорчен? И пытаешься скрыть это от меня?

- Видишь ли, в том положении, в какое я попал, еще не известно, что лучше - уйти или бороться. Впервые я очутился в положении обвиняемого. Боюсь, у меня не хватит мужества еще раз подвергнуться допросу.

- Почему ты не защищался?

- Потому что это мне не помогло бы, а я рисковал выйти из себя.

- Ты думаешь, девушка...

- Дело не в ней. Она простая пешка. Все слишком хорошо организовано: и совпадение времени, и два возможных свидетеля, только один жетон для телефона, Дезире... Она, конечно, перед ним не пошатывалась и не разговаривала как пьяная. Со мной же говорила вполголоса, он не мог слышать... Бары, где я ее якобы спаивал... По ее описанию, это может быть любой из пятидесяти погребков Сен-Жермен-де-Пре, и в них всегда столько народу, что мы могли остаться незамеченными. Наконец, отель, где мы действительно поднялись с ней на второй этаж и где она проявила достаточно изобретательности, чтобы удержать меня в комнате не меньше десяти минут.

- У тебя есть какие-нибудь предположения?

- Обрывки предположений. К несчастью, только одно из них может оказаться верным, и очень важно правильно выбрать...

Улица Акаций была почти безлюдна. В некоторых окнах еще горел свет. Светились два окна и в доме дантиста. Мегрэ подошел ближе. На металлической дощечке у двери значилось: "Доктор Франсуа Мелан, стоматолог. Прием с 10 до 12 часов и по записи".

- Почему стоматолог?

- Это звучит более изысканно, чем дантист.

Мегрэ поднял глаза к окнам Манюэля и увидел Алин, которая курила, облокотившись на подоконник.

Через несколько метров какой-то человек, стоявший на углу, пробормотал, обращаясь к Мегрэ:

- Спокойной ночи, господин комиссар...

Это был один из инспекторов, Жакмен, который должен провести ночь здесь, на улице.

- Доброй ночи, старина.

Супруги спустились в метро на станции "Терн". День был ужасный, но благодаря мадам Мегрэ он подходил к концу в относительном спокойствии.

Из-за заторов на улице автобус, в котором ехал Мегрэ, пришел на набережную Орфевр только в десять минут десятого.

- Кто-нибудь спрашивал меня?

- Только инспектор Лурти, господин комиссар.

- Я поговорю с ним после рапорта...

Взяв с письменного стола папки с делами, он направился в кабинет шефа, где уже собрались все начальники отделений.

- Прошу прощения, господин директор...

Один из начальников отделения полиции, Бернар, продолжал свой доклад монотонным голосом.

- Так. Понятно. А что у вас, Мегрэ? Вчера опять ограбили ювелирный магазин.

Мегрэ ожидал, что эта встреча после вчерашней истории с начальником и товарищами по работе будет тягостной для него. Он предвидел отведенные в сторону или осуждающие взгляды, но, по-видимому, ничто из того, что произошло вчера в кабинете префекта, не просочилось наружу.

Спустя четверть часа после совещания Барнакль, как всегда в черном, проскользнул в кабинет Мегрэ.

- Я сделал три снимка. - Он протянул комиссару увеличенные фотографии. - Но не знаю, который из них верный.

Он хотел сказать, что не знает, на каком из них Николь Приер. С первых двух фотографий смотрели какие-то девицы, ничем не напоминающие Николь. На третьем была она. В светлом платье, с белой сумочкой в руке.

- Есть еще один снимок.

Подобно фокуснику, Барнакль вытащил фотографию из кармана пиджака. Она была сделана перед решеткой парка Монсо. Девушка держала на поводке болонку.

- Это то, что вы хотели?

- Прекрасно, дружище.

- Вам нужны еще отпечатки?

- Если можно, еще три-четыре штуки.

Все это теперь было уже не так важно. Без Оскара - кузена Люка, вернее, родственника его жены - эти фотографии играли бы более важную роль. Может быть, они еще и сыграют ее.

- Вы хотите получить снимки сейчас же?

Мегрэ чуть не забыл, что инспектор рисковал своим местом, делая фотографии.

- У вас были затруднения?

- Почти нет. На улице я остаюсь незамеченным.

Сливаюсь с пейзажем. В скверах и парках всегда болтаются один-два типа, подобных мне, и на них никто не обращает внимания.

- Спасибо, Барнакль. Вы отличный товарищ.

- Нет, это вы всегда отлично относились ко мне.

Барнакль ушел. Наступила очередь Жанвье.

- Это та самая девушка? - поинтересовался инспектор.

- Да. Я бы хотел, чтобы ты отправился на улицу Фонтен.

- В "Золотой бутон"?

- Да. Покажи фотографию официантам. Попытайся выяснить, появлялась ли она в ресторане.

- Вы куда не поедете, патрон?

- Поеду. На улицу Акаций.

- Хотите, чтобы я вас сопровождал?

- Отправляйся на Монмартр. Передай Люка, чтобы ждал меня внизу с машиной.

Нестерпимая жара. Золотистое марево, какое иногда стелется над морской гладью, окутало Елисейские поля...

- Спасибо тебе за кузена, Люка.

- Не за что, патрон. Он теперь у меня в долгу. Кузен был так горд, что познакомился с вами. Отныне он будет говорить о своем друге Мегрэ, как будто знал его со школьной скамьи... Куда вас везти? К Манюэлю?..

Это уже стало привычным.

- Да. На этот раз я зайду в дом напротив.

- Ждать вас?

- Да. Визит, возможно, будет коротким.

Мегрэ позвонил. Дверь открыла женщина, похожая на испанку. Она не очень приветливо посмотрела на комиссара и спросила:

- Что вам угодно?

- Могу я видеть доктора?

- Вам назначено?

- Да.

- В таком случае поднимитесь. Дверь направо.

Женщина следила за ним, пока он поднимался по ступенькам старого дуба, покрытым грязной зеленоватой дорожкой. Передник служанки также был не очень чистым. Мадам Мегрэ нашла бы, что дом содержится не самым лучшим образом.

Глава 6

Комиссар поднимался по лестнице не спеша. Никогда в жизни он еще не чувствовал себя в более неловком положении. У него не было никакого права находиться здесь, и если дантист пожалуется, Мегрэ придется несладко.

Можно было подумать, что Мегрэ нарочно нагромождает одну на другую все те ошибки, в которых упрекал его префект.

Только успел префект упрекнуть его в пристрастии к осведомителям, как он поспешил к Манюэлю.

Ему запретили говорить о Николь с кем бы то ни было, а он пошел в бистро расспросить о ней служащего Сорбонны.

Его просили не распространяться об этом деле в уголовной полиции, а он поделился и с Жанвье, и с Люка да, кроме того, послал беднягу Барнакля тайно сфотографировать Николь.

Наконец, под очень прозрачным предлогом, который нисколько не обманул Марсея Лендри, он заставил показать ему список членов частного клуба, к которому принадлежала племянница Приера.

И все эти нарушения комиссар совершил в течение одного дня! Но, зайдя так далеко, Мегрэ уже не видел никакого смысла останавливаться. Или он победит, или потерпит поражение, и тогда его карьера закончится весьма плачевно.

Удалось ли ему хоть что-нибудь открыть? Да. Мегрэ еще не мог полностью определить всю ценность этого открытия, но он нащупал связь между двумя столь далекими и принадлежащими к различным слоям общества женщинами, как Николь Приер и Алин, любовница Манюэля. Доктор Мелан был поручителем Николь при ее вступлении в клуб "Сто ключей", и вчера Алин посетила того же доктора, когда у нее якобы разболелись зубы.

Все это пронеслось в его голове, пока он поднимался по лестнице. На втором этаже он направился не к той двери, что указала испанка, а к противоположной. Он очень любил изучать

обстановку и домашнюю жизнь людей, которые его интересовали. Особенно любил заглядывать в те комнаты, куда его не приглашали.

Дверь оказалась запертой. Снизу крикнули:

- Вы что, не знаете, где у вас правая рука?

На эмалевой дощечке Мегрэ увидел слова: "Звоните и входите".

Он позвонил, повернул ручку двери и оказался в приемной врача, где находилась одна-единственная пациентка. Это была довольно молодая женщина. Она, по-видимому, плохо себя чувствовала. Не обращая внимания на позолоченный столик с журналами и газетами, женщина, скрестив руки на коленях, сидела на стуле, уставившись неподвижным взглядом на цветастый ковер. Она едва взглянула на вошедшего и вернулась к своему меланхолическому созерцанию.

Открылась внутренняя дверь, и вошла секретарша с длинным носом. Секретарша обратилась к Мегрэ. Голос ее был сух, взгляд - суров. Похоже, это была одна из тех дурнушек, что не знают ни молодости, ни любви и винят в этом весь свет.

- Что вам угодно?

- Мне бы хотелось видеть доктора Мелана.

- Для консультации?

- Да.

- Вам назначено?

- Нет.

- Доктор принимает только по предварительной записи.

- На табличке сказано, что доктор принимает с десяти до двенадцати.

- Это старая табличка.

- Вчера ночью у меня безумно разболелся зуб. Аспирин не помогает...

- Вы уже были у Мелана?

- Нет.

- Вы живете на этой улице?

- Тоже нет.

- Как же произошло, что вы выбрали именно доктора Мелана?

- Я проходил по улице и увидел табличку...

- Идемте.

Она ввела его в маленький кабинет с белыми стенами. Но белизна их была так же сомнительна, как и все остальное в этом доме. Секретарша села за письменный стол.

- Садитесь... Я не ручаюсь, что доктор сможет принять вас между двумя пациентами, но на всякий случай заполню карточку. Фамилия?

- Мегрэ. Жюль Мегрэ.

- Профессия?

- Служащий.

- Возраст, адрес?

- Пятьдесят два года, бульвар Ришар-Ленуар.

Секретарша оставалась невозмутимой. Правда, голова ее склонилась над карточкой, и он не мог видеть ее глаз.

- Какой зуб вас беспокоит?

- Коренной, справа, точно не знаю какой, кажется, второй.

- Подождите в приемной... Я вам ничего не гарантирую... Если торопитесь, советую пойти поискать другого дантиста...

- Я подожду...

Окно приемной выходило в сад. У высокой стены напротив окна Мегрэ увидел обветшалую оранжевую, садовые инструменты, неухоженные цветники.

За садом высился шести-или семиэтажный дом.

Это была задняя сторона дома, и у нескольких окон на веревках сушилось белье.

Мегрэ сел на стул, нащупал в кармане трубку. Если бы перед ним не сидела молодая женщина с печальными глазами, он, возможно, и закурил бы.

Тик-так. Тик-так. Это тикали часы черного мрамора. Они показывали двадцать минут одиннадцатого.

Мегрэ задал себе вопрос: будет ли он еще сидеть в этой комнате, когда часы покажут двенадцать?

Он пытался ни о чем не думать, не строить никаких гипотез, сохранять ясность мысли. Чтобы как-то заполнить время, он начал фиксировать малейшие детали: зеркало над камином, на котором мухи в течение многих лет оставляли маленькие коричневые следы, каминная решетка Второй империи, стулья разных стилей.

Можно было догадаться, что в этом доме нет хозяйки, нет детей.

Третья дверь в приемной была обита войлоком, как в конторах некоторых старых нотариусов и кое-где в учреждениях. Ни один звук не проникал из-за двери.

Впрочем, тишина была во всем доме. Снаружи стояла жара. Здесь царила прохлада.

- Доктор просит извинить его, мадемуазель... Он примет вас через несколько минут...

Это была секретарша. Молодая пациентка ответила ей покорным взглядом.

- Пройдите, пожалуйста, за мной, господин Мегрэ...

Она открыла обитую войлоком дверь, затем еще одну, окрашенную в серый цвет. Они внезапно попали из полутемной приемной в залитый солнцем кабинет врача. Человек в белом халате сидел перед бюро эпохи Луи-Филиппа и держал в руках карточку комиссара.

Секретарша исчезла. Франсуа Мелан, не торопясь, прочел всю карточку до конца, в то время как Мегрэ сделал два-три шага вперед.

- Садитесь...

После разговора с Марселем Лендри Мегрэ видел доктора Мелана в своем воображении совсем не таким.

Его еще меньше, чем дядю Николь, можно было представить танцующим в клубе "Сто ключей".

У Мелана были рыжие волосы. Огненно-рыжие. Он был из тех рыжих, которых в детстве товарищи дразнят морковкой. Доктор поднял голову, и Мегрэ увидел стекла очков без оправы, за которыми светились ясные голубые глаза.

Мелан выглядел очень молодо.

- Зубная боль возникла внезапно?

Он ничем не выдал, что знает Мегрэ. Его глаза не выражали любопытства.

- Да, вчера вечером, в тот момент, когда я ложился спать...

- Этот зуб беспокоил вас и раньше?

- Нет. У меня в общем-то хорошие зубы.

- Сейчас посмотрим...

Он поднялся, и Мегрэ сделал еще одно открытие:

Мелан был огромного роста, почти на голову выше его.

Халат на нем - не намного чище, чем на его секретарше, - достигал только колен и открывал брюки, которые нуждались в утюжке.

Посреди комнаты стояло зубоорачебное кресло, и над ним, как обычно, находилась большая круглая лампа в форме диска. Между креслом и окном - узкий столик с аккуратно разложенными инструментами.

Немного поколебавшись, Мегрэ уселся в кресло.

Повязав салфетку вокруг шеи пациента, доктор нажал ногой на педаль и немного приподнял кресло.

- Откиньте голову... Так, хорошо... Откройте рот...

Здесь тишина была не такой полной, как в других комнатах этого дома. Окна кабинета выходили на улицу. Оттуда доносились разные шумы: и неясный гул голосов, и более резкие звуки.

Мелан с невозмутимым видом подержал секунду маленькое зеркальце над пламенем...

- Откройте шире рот, пожалуйста...

Когда Мелан нагнулся, Мегрэ увидел его лицо совсем близко, как бы через увеличительное стекло. У доктора, как у большинства рыжих, была розоватая кожа, пористая, немного веснушчатая.

Мелан не разговаривал. С тех пор как комиссар вошел в кабинет, он произнес минимум слов. И когда он распрямил свое большое тело, то сделал это как-то застенчиво и неловко.

С помощью остроконечного инструмента доктор прикоснулся к поверхности коренных зубов.

- Вы чувствуете что-нибудь?

- Нет... - попытался ответить Мегрэ с открытым ртом.

- А теперь?

- Нет.

- А здесь?

Мегрэ, конечно, ничего не чувствовал. У него никогда не болели зубы. Врач взял другой инструмент в форме маленького молоточка.

- Я вам делаю больно?

- Это неприятно...

- Но не острая боль?..

Почему-то вдруг комиссар решил, что ни в коем случае не разрешит доктору сделать себе укол. Его охватил страх. Какой-то смутный, неопределенный страх.

Он полулежал с запрокинутой головой, с открытым ртом в кресле, где чувствовал себя почти пленником.

Почему он проник в этот дом? Потому что искал человека, напавшего на него с изощренной жестокостью. Человека, который из чувства ненависти к нему или из желания избавиться от него сделал попытку его опорочить. Человек тот составил сложный план и выполнил его досконально, используя в качестве инструмента молодую девушку из хорошей семьи. Почему, собственно, говорят "хорошая семья"? Потому что другие семьи плохие?

Если он находился здесь, следовательно, у него были, пусть и не очень основательные причины подозревать стоматолога с рыжими волосами.

Комиссар ничего не мог прочесть в голубых глазах, увеличенных стеклами очков. Черты лица Мелана были спокойны.

"Каждый человек способен стать убийцей, если у него на это есть достаточная побудительная причина".

Мегрэ как-то произнес эту фразу в ответ на вопрос Пардона или какого-то журналиста.

Кто-то хотел опозорить, опорочить его имя, чтобы он вынужден был уйти со своего поста. Предположим, это Мелан... Но если у Мелана были достаточные причины, чтобы придумать всю эту сложную махинацию, которую разыграла Николь, что мешает ему попытаться избавиться от комиссара и другим способом?

- Прополосщите рот.

Под взглядом врача, невозмутимо и спокойно стоящего рядом, Мегрэ повиновался.

- У вас исключительно здоровые зубы. Они не могли причинить вам страдания. Если прошлой ночью у вас был приступ боли в правой части челюсти, то это может быть началом гайморита.

- И ничего нельзя сделать?

- Это уж должен решить ваш постоянный врач.

Мелан, повернувшись к нему спиной, стал приводить в порядок инструменты, в то время как Мегрэ не без труда выбрался из кресла, которое доктор забыл опустить. Сделав два шага по направлению к окну, Мегрэ увидел сквозь тюль гардины полуодетую Алин.

Она курила и смотрела на улицу.

Комиссар был знаком с расположением комнат в квартире напротив. Окно, у которого стояла подруга Манюэля, находилось в комнатке, где калека проводил светлые часы дня.

Это открытие немного взволновало Мегрэ.

- Сколько я вам должен? - пробормотал он.

- Вы рассчитаетесь с моей помощницей.

Все так же внешне спокойно, с неподвижным лицом, с ничего не выражающими глазами, доктор открыл дверь в маленький кабинет, где Мегрэ заполнял карточку.

Помощница указала комиссару на стул, где он сидел ранее:

- Минуточку подождите...

Она, вероятно, пошла проводить к доктору пациентку с печальным лицом.

На письменном столе стояла длинная и узкая деревянная коробка, в которой находились карточки больных. Искушение было слишком велико. А может быть, это ловушка? Мегрэ не пошевелился.

- Вы пользуетесь социальным страхованием? Покажите, пожалуйста, вашу карточку.

Он порылся в портфеле, всегда забитом ненужными бумагами, и протянул карточку некрасивой женщине.

Та переписала номер.

- Вы должны заплатить за визит двадцать франков.

Ваша касса вернет вам восемьдесят процентов.

Она возвратила ему карточку. Так же, как и ее патрон, секретарша не старалась быть любезной. Проводив его до двери, она нажала маленькую кнопку.

Внизу его уже поджидала испанка. Она проводила комиссара до выхода.

...Мегрэ поднял голову. Алин исчезла. Комиссар направился в дом, где жил Манюэль.

На третьем этаже позвонил. Открыла старуха, ведущая у Пальмари хозяйство, старуху он заметил еще в предыдущие визиты.

- Вы к господину Пальмари?

- И к мадемуазель Алин.

- Мадам, кажется, в ванной. Но входите, пожалуйста.

Мегрэ вошел в гостиную. Дверь в комнату Манюэля была открыта. Тот сидел в своем кресле и слушал радио. С досадой и сожалением он выключил его.

- Опять!

- Мне нужно поговорить с Алин.

- Она пошла принять ванну. Что вам от нее нужно?

- По правде говоря, я еще и сам не знаю.

- Послушайте, господин комиссар., я всегда был вам другом... При случае оказывал небольшие услуги, за которые, если бы о них узнали, мне всадили бы еще несколько пуль, кроме тех, что я получил три года назад. А сейчас вы вешаете на меня всех собак. Вы бы стали терпеть, господин комиссар, чтобы за вами вечно следили? Чтобы вам задавали дурацкие вопросы, не объясняя даже, в чем дело?

- Сейчас вопрос касается меня лично...

- Тем более не надо изводить других. Алин видела только что, как вы входили к дантисту... Это потому, что она лечит у него зубы?

- Нет.

- Тогда почему же? Я ничего не понимаю. Не станете же вы меня уверять, что это и ваш зубной врач?!

- Я подожду Алин. Чтобы не повторяться.

Он направился к окну. Засунув руки в карманы, стал наблюдать за окном, затянутым тюлем, за которым доктор Мелан лечил свою пациентку.

Дальнюю часть комнаты нельзя было разглядеть.

Видны были только отдельные светлые пятна. Лучше всего просматривался халат доктора, когда он приближался к столику у окна за каким-нибудь инструментом.

- Сколько раз за эту неделю я приходил к вам, Манюэль?

- Три раза. Но я бы охотно сказал - десять раз.

Когда я был на улице Фонтен, это не имело такого значения. В бар люди приходят и уходят. Кто хочет, может выпить стаканчик вина, и многие клиенты любят поболтать с хозяином. И тем хуже для хозяина, если это его беспокоит. Это его ремесло. Здесь же совсем другое дело - это наш дом. Мой и Алин. А чужой дом - святая! Не так ли? Даже полиция не имеет права переступить его порог без ордера. Я прав или нет?

- Сколько раз, разговаривая с вами, я стоял у этого окна? - продолжал свое Мегрэ.

Манюэль пожал плечами. Вопрос ему показался дурацким.

- Все, что я могу сказать, - вы просто не любите сидеть на одном месте.

И в своем кабинете, и на бульваре Ришар-Ленуар Мегрэ имел привычку подходить к окну и стоять там подолгу. Он смотрел на все, что попадало в поле зрения: на окна противоположных домов, на деревья, на Сену, на прохожих. Он повсюду инстинктивно искал контакта с внешним миром.

В комнату вошла Алин. На ней был купальный халат канареечного цвета. Капельки воды блестели в ее растрепанных волосах.

- Что я говорила вчера? Он принес свою пижаму?

Но, посмотрев внимательно на Мегрэ, который был серьезнее обычного, молодая женщина осеклась.

- Послушайте, Алин, я пришел не для того, чтобы докучать вам. Даю вам слово, что расследование, которое я веду, не касается вас и Манюэля. По крайней мере, на той стадии, на которой я нахожусь в данный момент.

Она косо посмотрела на него, все еще не доверяя комиссару.

- Ответьте мне откровенно. Это будет лучше для всех нас, поверьте мне. Вчера вы впервые посетили зубного врача напротив?

- Конечно. У меня заболели зубы первый раз в жизни.

- Я видел вас только что у этого окна. Вы стояли и курили папиросу.

- Вы были там? - Она показала на окно, завешенное тюлем.

- В том же кресле, в котором вчера сидели вы.

Я полагаю, вы часто стоите у окна?

- Как и все. Надо же дышать воздухом.

- Вы знакомы с кем-нибудь из жителей этого особняка?

- А разве их там много? Я думала...

- Что вы думали?

- Что там живут только доктор, Карола и помощница доктора.

- Карола - это служанка?

- Служанка, кухарка, горничная и консьержка - все, что хотите. На ней держится весь дом. Я иногда встречаюсь с Каролой у мясника или бакалейщика.

Услышав ее акцент, я спросила, не испанка ли она, она ответила утвердительно. Хотя ее и нельзя назвать разговорчивой особой, но все же мы с ней здороваемся.

- А помощница?

- Мадемуазель Мотт....

- Карола сказала вам ее имя?

- Да. Она не ночует в этом доме. В полдень мадемуазель ходит завтракать в маленький ресторан в конце улицы и снова возвращается на работу. По вечерам иногда приходится задерживаться до семи-восьми часов.

- Вы не знаете, где она живет?

- Меня это не интересовало. Вблизи она еще более уродлива, чем издали.

- Секретарша заполнила на вас карточку?

- Как для паспорта.

- Она не задавала нескромных вопросов?

- Мадемуазель спросила, кто мне дал адрес доктора. Я ответила, что живу в доме напротив. Впрочем, она задала мне один странный вопрос: "На каком этаже?"

- И это все?

Алин размышляла.

- Почти... Впрочем... Она разглядывала меня с ног до головы. "Вы больше ни на что не жалуетесь?" Я ответила, что нет, и она не настаивала. По-моему, когда идешь к зубному врачу, не надо предъявлять свидетельство о прививке против оспы, не так ли?

Манюэль достаточно знал Мегрэ для того, чтобы понять, что тот приближается к еще ускользающей от него истине. Чувствовалось, что он ощупывает ее со всех сторон - справа, слева... Комиссар протянул Алин фотографию Николь Приер:

- Вы видели ее когда-нибудь на улице Фонтен?

- Это та девица, о которой вы говорили вчера?

Мегрэ кивнул.

- На улице Фонтен на встречала. Но зато видела ее здесь, на тротуаре напротив...

- Она направлялась к дантисту?

- Совершенно верно. Только она никогда не приходила в часы приема.

- Поздно вечером?

- Не очень поздно. Часов в девять, половине десятого...

- Кабинет был освещен?

- Только не в эти вечера.

- Вы хотите сказать, что он бывает освещен в другие вечера?

- Довольно часто.

- Вам что-нибудь видно через тюлевые гардины?

- Нет. Они закрывают ставни. Но свет все равно просачивается через щели.

- Если я правильно понял, то Николь приходит к доктору Мелану не в качестве пациентки. - Он знал это уже со вчерашнего вечера. - Алин, скажите, доктор принимает и других людей вне своих приемных часов? Мужчин? Женщин?

Алин вытаращила на него глаза:

- Погодите... погодите... Я действительно замечала мужчин, но больше женщин.

- Молодых?

- Бывают среди них и молодые, и не очень молодые. Я ведь не консьержка, не шпиону за теми, кто входит и выходит. Случается, что постою у окна...

- Я часто упрекаю ее в этом, - проворчал Манюэль. - Я уже начал было подозревать, нет ли у нее там дружка...

- Не говори глупостей!

- Глупости или не глупости, но я помню, сколько мне лет... И эта проклятая нога - тоже не большая радость.

- Большинство этих молодых тебе в подметки не годится!

Манюэль горделиво улыбнулся. Они действительно были влюблены друг в друга.

- А по вечерам мужчины тоже приходят к доктору?

- Что вам еще пришло в голову?

- Пока ничего определенного. Я нащупываю...

- Мне кажется, вы нащупываете в любопытных местах.

- Что вы хотите этим сказать?

- Вы предполагаете, что эти женщины приходят к доктору лечить вовсе не зубы, а? Черт возьми! Теперь я догадываюсь, почему эта старая гримза осматривала меня снизу вверх и сверху вниз, как будто изучала мою анатомию... И это объясняет также, почему она спросила у меня, на что я еще жалуюсь, кроме зубов...

- А сам врач ничего особенного не сказал вам?

- Он почти не разговаривал. Только и слышно было: "Откройте рот!.. Прополощите!.. Выплюньте!.."

Откройте!.."

- Вы должны снова пойти к нему?

- Завтра утром. Он положил в зуб какое-то лекарство, от которого у меня мерзкий привкус во рту.

- Если я вас попрошу...

Но тут вмешался Манюэль:

- Только не это, господин комиссар. Вам оказывают небольшие услуги, и хватит. Эта история похожа на лекарство Алин - она дурно пахнет! И так как я имею решающий голос в этом доме, то я говорю - нет!

Глава 7

В половине двенадцатого Мегрэ вошел в свой кабинет и бросил шляпу в кресло. Не успел он выбрать свежую трубку, как в дверь постучали. Вошел старый Жозеф:

- Господин комиссар, вас просит господин директор уголовной полиции. Он посылает меня уже третий раз.

Комиссар вторично в это утро появился в кабинете начальника.

- Садитесь, Мегрэ...

Ему указали на кресло, которое стояло не совсем в тени, но и не на солнце. Через открытые окна в комнату проникали все уличные шумы. Директор, как бы для того, чтобы придать этой беседе более конфиденциальный характер, поднялся и закрыл окна.

У начальника Мегрэ - Ролана Блютте - был крайне смущенный вид. Чувствовалось, что он не знает, с чего начать.

- Я вызывал вас уже три раза, Мегрэ...

- Мне только что сказали об этом.

Директор не знал, куда смотреть. Рука его дрожала, когда он прикуривал папиросу.

- Я полагал, что ваши люди в основном занимаются похитителями драгоценностей и их последним подвигом на авеню Виктора Гюго...

- Совершенно верно.

- Сейчас половина двенадцатого. Разрешите спросить, где вы провели все утро?

Это было тяжелее, чем у префекта. Во-первых, это происходило на набережной Орфевр. Не в чужом, а в своем доме. В этот кабинет он входил без пиджака, чтобы поболтать с начальниками - старыми коллегами и друзьями.

Кроме того, Блютте плохо играл свою роль.

- Я был у зубного врача.

- Полагаю, вы выбрали врача в своем районе?

- Я обязан вам отвечать, господин директор? До сих пор, за исключением вчерашнего дня, я вел множество допросов, но ни разу не подвергался им сам.

Я не знал, что мы обязаны сообщать имена и адреса наших дантистов, наших врачей, а может быть, и наших портных...

- Я понимаю вас...

- Неужели? - бросил Мегрэ иронически.

- Я ставлю себя на ваше место, поверьте мне...

И мне очень тягостно в этот момент находиться на своем. Я действую только по приказу сверху. Что вы ответите, если я потребую у вас отчета, как вы провели время, час за часом, начиная с полудня вчерашнего дня?

- Я подам в отставку.

- Попробуйте войти в мое положение... Вам известно, какой шум подняла пресса вокруг ограбления ювелирных магазинов, которые повторяются с небывалой дерзостью вот уже в течение двух месяцев...

- Больше половины их произошло на Лазурном берегу и в Довилле, за пределами нашего ведомства.

- Одной и той же шайкой! Во всяком случае, одними и теми же методами. Последняя кража была совершена вчера утром. Вы отправились, как вы это делаете обычно, на место преступления?

- Нет.

- Вы прочли рапорты ваших инспекторов?

- Нет.

- Вы напали на какой-нибудь след?

- Я иду по одному и тому же следу с того момента, как возобновились эти грабежи.

- Без всякого результата?

- У меня нет еще никаких улик, это верно... Я жду какой-нибудь ошибки, неосторожности, какого-нибудь маленького и незначительного с виду факта, который позволил бы мне начать действовать.

- Сегодня утром вы не пошли к своему дантисту, но были у врача на улице Акаций, хотя ваши зубы в абсолютном порядке. Не подозреваете ли вы, что этот дантист замешан каким-то образом в краже драгоценностей?

- Нет.

- Ваш второй визит вы нанесли в дом напротив...

- Где живет один из моих осведомителей...

- Вы говорили с ним о краже драгоценностей?

- Нет.

- Послушайте, Мегрэ. Вы знаете, что, когда я начал здесь работать, я испытывал восхищение вами как человеком и как полицейским... Ничего не изменилось... Как я уже вам сказал, я поставлен перед необходимостью играть роль, которая мне не нравится...

Вчера вас вызывали к префекту полиции. Он говорил с вами об одном деле, которое меня не касается и которое мне известно лишь в самых общих чертах. Прежде чем расстаться с вами, он настойчиво рекомендовал вам не заниматься этим делом, ни с кем о нем не говорить. Даже со своими коллегами и инспекторами.

Это верно?

- Верно.

Шеф бросил взгляд на бумагу, лежавшую перед ним.

- Вчера, однако, после беседы с префектом вы заперлись в своем кабинете и просидели там до трех часов дня. Потом отправились в маленькое бистро на улице Сены под вывеской "У Дезире". Немного позднее вас видели в отеле на улице Эколь, где вы в течение нескольких минут разговаривали с хозяйкой отеля. Эти два места имеют какую-нибудь связь с тем делом, которым вам запретили заниматься?

- Да.

- Затем вы в сопровождении инспектора Жанвье отправились на улицу Акаций, где провели довольно длительное время у подозрительного субъекта по имени Манюэль Пальмари.

- Полагаю, господин директор, наблюдение за мной вела, как ее называют газеты, параллельная полиция?

Он не назвал шефа патроном, как делал обычно. В нем поднималась волна отвращения. Ко всему, еще и солнце добралось до его кресла и лицо стало влажным...

Ролан Блютте сделал вид, что не слышал вопроса.

- Вернувшись на Набережную, вы вызвали к себе в кабинет старого инспектора по фамилии Барнакль, которому дали одно поручение. Он должен был сфотографировать особу, которой префект полиции...

- Запретил мне заниматься.

- Немного позднее вы очутились в маленьком баре на улице Месье-ле-Пренс в обществе инспектора Люка и одного из швейцаров Сорбонны. Разговор у вас шел о краже драгоценностей?

- Нет.

- Значит, о молодой девушке, о которой я говорил?

- Да.

- Вы случайно повели мадам Мегрэ обедать в ресторан на авеню Гранд-Арме?

- Нет.

- Это правда, что, расспрашивая некоего Лендри, вы сумели уговорить его показать вам список членов клуба?

- Все совершенно верно, господин директор. Признаюсь, мне не пришло в голову убедиться в том, что за мной никто не следит. До сих пор я жил по другую сторону барьера.

- Если вас это интересует, смею вас заверить, что я никакого отношения к этой слежке не имею и что только сегодня утром мне стало известно то небольшое, что я знаю об этом деле. По-видимому, ему придают большое значение в высших сферах. Я только исполнитель.

И я должен выполнить до конца миссию, которую на меня возложили.

- Вы желаете, чтобы я вам подал письменные объяснения?

- Не делайте мою задачу еще более трудной, Мегрэ. Я не очень горжусь ею, поверьте.

- Охотно этому верю.

- Мне остается сказать, что в течение двадцати четырех часов вы использовали трех подчиненных вам инспекторов для своих личных дел. Я не думаю, чтобы к ним были применены какие-либо санкции, так как эти люди ничего не знали о вашей беседе с префектом полиции. Мне остается... - Директору тоже стало жарко, и он вытер лоб платком. - Мне остается сказать вам... Вы нуждаетесь в отдыхе... Вы очень много работали последнее время без всякого отпуска... Вы подадите заявление с просьбой об отпуске по болезни, который будет длиться до того времени, пока не закончится следствие по вашему делу... - Директор с трудом договорил до конца.

Он не смел поднять глаза на человека, сидевшего перед ним. У него было такое чувство, будто он нанес ему смертельную рану. - Это, по-видимому, продлится не более нескольких дней. Согласно уставу, вам дадут возможность защищаться. Насколько мне известно, вы уже изложили письменно свою версию происшедшего.

Мегрэ с трудом поднялся:

- Благодарю вас, господин директор. - Затем, к большому удивлению шефа, он направился к одному из окон. - Полагаю, их снова можно открыть?

Мегрэ открыл одно за другим все три окна, постоял несколько минут, чтобы вдохнуть знойный уличный воздух.

- Ваш отпуск начнется с настоящего момента, не так ли?

Мегрэ кивнул в знак согласия и вышел. Шеф не протянул ему руки, но держал ее немного выдвинутой, готовой схватить руку комиссара, если тот протянет свою.

Но комиссар не протянул руки. Он сразу прошел в кабинет инспекторов.

- Люка! Жанвье!

Барнакля не было на месте.

- Зайдите ко мне, ребята. Вам придется некоторое время поработать без меня.

Жанвье побледнел. Челюсти его так сжались, что он не мог произнести ни слова.

- Я устал, возможно, болен. Администрация - добрая фея - проявляет заботу о моем здоровье и разрешает мне отдохнуть.

Он шагал по кабинету, желая скрыть от своих помощников влажные глаза.

- Продолжайте заниматься драгоценностями. Вы оба знаете, что я думаю об этом деле. - Мегрэ положил потухшую трубку в большую стеклянную пепельницу и набил табаком другую. - Там, в высоких сферах, известны все ваши поступки, начиная со вчерашнего дня. А также и мои, разумеется. Надо предупредить Барнакля, как только он вернется. Скорее всего, за вами будут продолжать следить, как следили за мной. Если вас накажут, мне это не поможет, скорее повредит. Поэтому забудьте все, что вы знаете об этом деле. - Он улыбнулся. - Вот и все! Я кончил.

Для меня это оказалось менее трудным, чем для моего шефа... - Мегрэ направился к креслу, где оставил шляпу. - До свидания, дети мои!

Жанвье первым обрел дар речи:

- Вы знаете, патрон...

- Да?

- Я был в "Золотом бутоне". Показал фотографию...

Никто ее там не знает...

- Это теперь уже не имеет значения...

- Вы оставляете дело?

- Вы так плохо обо мне думаете?

- Хотите сказать, что будете продолжать его совсем один, без всякой помощи? К тому же за каждым вашим шагом следят!

- Я попробую...

Сейчас они оба улыбались, не зная, как выразить переполнявшие их чувства.

- Ну-ну... Никаких сентиментальностей... Скоро увидимся...

Мегрэ быстро пожал им руки и направился к двери.

Через несколько минут он уже спускался по широкой лестнице уголовного полиции.

Когда он вышел из подъезда, ему отдали честь двое часовых. Он ответил им с оттенком иронии. Как странно увидеть окружающее совсем другими глазами - глазами свободного человека!

Ему совершенно нечего было делать. И совершенно безразлично, повернуть направо или налево.

Возможно, за ним сейчас пойдет один из рыбаков, удивших неподалеку. А может быть, тот шофер серой машины, которая стоит в ста метрах отсюда.

Он решил повернуть направо. Когда через несколько минут он вошел в пивную "У дофины" и хозяин приветливо пожал ему руку, у Мегрэ был такой же вид, как и в другие дни.

- Как дела, комиссар?

- Прекрасно!

- Что вы будете пить?

- Я как раз об этом думаю...

Ему не хотелось пить обычный аперитив. Он вспомнил, что, когда он только приехал в Париж, в моду входил новый напиток. В течение года или двух это был его самый любимый аперитив.

- Существует еще мандарин-кюрасо?

- Ну конечно. Его теперь редко спрашивают, молодежь даже не знает, что это такое, но мы всегда держим бутылочку на полке... Ломтик лимона?

Мегрэ выпил две рюмки. Сейчас этот напиток показался ему менее вкусным, чем когда-то. Затем он медленно направился на остановку Шатле и стал ждать свой автобус.

Он не торопился.

- У тебя плохое настроение? - спросила мадам Мегрэ, накрывая на стол. Она удивилась тому, что муж вернулся домой так рано.

- Удар был очень тяжелый. Тяжелее, чем у префекта почему-то... Но сейчас я чувствую, что у меня развязаны руки, и это дает мне какое-то облегчение.

- Ты не боишься?

- Я рискую только административным взысканием, и самым серьезным - отставкой. А она уже не за горами.

- Я не об этом... Я о тех людях, которых ты собираешься разоблачить...

- Они ничего больше не могут сделать, не выдав себя так или иначе. Сегодня утром в разговоре со мной патрон произнес несколько лишних слов. Он сказал: "У вас абсолютно здоровые зубы". Если бы не эта фраза, я бы подумал, что его сведения исходят от людей, которые следили за мной. Но они ведь не заглядывали в мой рот. Значит, доктор Мелан, как только я ушел, позвонил Николь Приер. Она снова пожаловалась дяде. Дальше все пошло по тому же кругу, что и вчера утром: министр внутренних дел, префект полиции и, наконец, директор уголовной полиции.

Если посмотреть со стороны, все это кажется довольно забавным.

- Что ты собираешься делать?

- Продолжать борьбу.

- Один?

- Человек никогда не бывает абсолютно один. Вот что, позвоню-ка я для начала своему другу Пардону.

Он, вероятно, уже вернулся с визитов.

Мегрэ не раз приходилось обращаться к Пардону с просьбой дать ему ту или иную медицинскую справку или сведения о ком-либо из врачей.

Даже не будучи лично знакомыми, медикам очень легко узнать друг о друге все, что нужно. У каждого из них есть какой-нибудь товарищ, с которым они вместе кончали институт, этот товарищ работал с тем-то или с тем-то в одной больнице и так далее. Кроме того, медики встречаются на всевозможных конгрессах.

- Не знаете ли вы, друг мой, одного дантиста, или, как он сам себя называет, стоматолога...

- Среди моих личных знакомых стоматологов нет.

- Речь идет о Франсуа Мелане, тридцати восьми лет, который живет в особняке на улице Акаций...

На другом конце провода наступила пауза.

- Вы его не знаете?

- Нет... Но я обдумываю... Тридцать восемь лет - это уже другое поколение. Мне, пожалуй, легче найти какого-нибудь профессора, который знает этого Мелана.

- А можно это сделать быстро?

- Если повезет. Я кое-кому позвоню. Дело очень важное?

- Очень. Лично для меня. У вас есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?

Мегрэ услышал, как Пардон спрашивает у своей жены:

- У тебя есть какие-нибудь планы на сегодняшний вечер?
- Вчера ты обещал повести меня в кино, - ответила мадам Пардон.
- Нет, никаких планов, - ответил доктор по телефону.
- А кино?
- Мне не хочется идти в кино.
- Хотите пообедать у нас? Приходите все трое, если дочь еще у вас...
- Нет, она уехала к мужу.
- Значит, до вечера?
- До вечера. Если я узнаю что-нибудь раньше, то позвоню вам на работу.
- У меня нет больше работы...
- Что? Вы серьезно говорите?
- Предположим, что до нового распоряжения я стал простым гражданином, без всяких привилегий и без всякой ответственности.

...Мегрэ чувствовал, что ему надо собраться с мыслями, но как-то не хотелось думать о своем деле. Он предпочитал дать ему отстояться в себе.

Что можно предпринять? Почти ничего. По всей вероятности, кто-нибудь стоит на часах у его дома, готовый следовать за ним повсюду, куда бы он ни пошел.

Не может быть и речи о том, чтобы пойти на бульвар Курсель. Еще меньше о том, чтобы подкараулить Николь Приер у Сорбонны. Она способна позвать на помощь, и он попадет в смешное положение.

Дадут ли ему возможность позвонить еще раз у дверей доктора Мелана? Маловероятно. Он даже не был уверен, что сможет попасть в квартиру Манюэля. Что же касается того, чтобы позвонить Пальмари по телефону, то он сам распорядился взять его телефон на прослушивание.

- Вот твой кофе. Я положила сахар...

Мадам Мегрэ смотрела на мужа с некоторым беспокойством. Он добродушно ей улыбнулся:

- Не волнуйтесь, мадам Мегрэ... Ваш старый муж выдержит удар.

Обычно он называл ее "мадам Мегрэ", когда бывал в хорошем настроении. Поэтому она несколько удивилась такому обращению.

- У тебя довольно спокойный вид.
- А я действительно спокоен.
- Не скажешь, что у тебя неприятности.
- Они неизбежно должны разрешиться.

Все же можно было догадаться, что спокойствие его чисто внешнее. Он пил свой кофе маленькими глотками.

- Ты выходила за покупками к обеду?
- Я позвонила. Мне все принесли. Ты хочешь знать меню?
- Я предпочитаю сюрприз...

Не пройдя и ста метров, Мегрэ обернулся и увидел своих преследователей. Их было двое. Они сразу стали громко разговаривать и жестикулировать, как будто о чем-то горячо спорили.

Мегрэ не знал их. Они, очевидно, принадлежали непосредственно к министерству внутренних дел. Комиссар дошел до Бастилии, решил было улизнуть от парней, просто ради шутки. Но, подумав, отказался от этой мысли.

Он посидел около часа на веранде одного кафе, читая только что купленные в киоске вечерние газеты, и вернулся домой.

Доктор не звонил. Супруги Пардон явились в восемь часов, и все сразу сели за стол, чтобы не перестоялись суфле и петух в вине.

- Мне пришлось обзвонить порядочно врачей и профессоров, прежде чем я напал на одного, который знает нужного вам человека. Расскажу об этом после обеда.

- Вы помните, о чем мы говорили, когда обедали у вас в последний раз? О жестокости... О преступлении ради преступления... Я сказал тогда, что не взялся бы судить... Сегодня я спрашиваю себя, не ошибался ли тогда...

Мегрэ не хотел более подробно распространяться на эту тему за столом. Подали кофе. Мужчины, взяв свои чашки, перешли в кабинет.

Окно было открыто. Темнело. В воздухе - ни малейшего ветерка. Небо безмятежно.

- На пятом или шестом звонке мне удалось узнать, что один из моих старых коллег, которого я совсем потерял из виду, - некий Вивье, - живет неподалеку от меня, и я забежал к нему между двумя визитами. Он хорошо знает Франсуа Мелана, которого называет "молодой Мелан". Мелан был его учеником. - Прежде чем задать вопрос, Пардон внимательно посмотрел на Мегрэ. - Речь идет о преступлении?

Комиссар медленно ответил:

- Либо я ошибаюсь - и через неделю мне придется выйти в отставку, либо я прав - и нахожусь перед раскрытием самого любопытного дела в моей практике.

- И Мелан в центре этого дела?

- Да.

- Забавно.

- Почему?

- Потому что между тем, что говорите вы и профессор Вивье, есть много общего. Вы были у Мелана?

- Сегодня утром. Под предлогом зубной боли.

- Он высокий, рыжий, очень близорукий, с голубыми глазами и длинными руками?

- Я не обратил внимания на длину его рук.

- Что он вам сказал?

- Что у меня абсолютно здоровые зубы.

- Мелан, оказывается, из очень бедной семьи. Его отец работал почтальоном в небольшой деревне. В семье было пятеро детей. У Франсуа Мелана была, должно быть, и сейчас есть сестра, старше его на два-три года. Все это Вивье узнал лишь спустя два года после того, как Мелан стал его учеником. Мелан не из тех людей, что открываются перед кем-либо. У него не было друзей. Никто никогда не слыхал о его связях с женщинами.

На факультете не знали, что Франсуа вынужден работать по ночам, чтобы оплачивать свое обучение. Вивье считал его очень способным, обладающим незаурядным умом, с характером скрытным и, несомненно, беспокойным.

Мегрэ слушал, стараясь не пропустить ни слова.

- Вивье взял его в помощники не только для того, чтобы оказать ему услугу, но и потому, что считал его лучшим из учеников. Но ему было нелегко с Меланом.

Тот постоянно угрюмо молчал, никогда не проявляя никаких чувств.

Однажды Вивье пригласил Мелана к себе в дом. Тот нехотя принял приглашение. С большим трудом профессору удалось заставить его выпить несколько рюмок коньяку. Наконец малопомалу ученик оживился и открыл профессору кое-что из своего прошлого... - Пардон зажег сигару и снова посмотрел на Мегрэ. - Это соответствует вашему представлению о докторе Мелане?

Наступило молчание. Мегрэ так углубился в свои мысли, что Пардон заговорил первым:

- Вы подозреваете, что он совершил преступление?

Комиссар ответил не сразу.

- До сих пор я не думал о подлинном преступлении, теперь же почти уверен. Профессор ничего больше не рассказывал вам?

- О Мелане - нет. Но он рассказывал о его помощнице, которая какое-то время работала у Вивье. Вы ее тоже видели?

- Да.

- Это верно, что она так уродлива?

- Да.

- О ней говорят, что она злая-презлая. На самом же деле это очень добрый и преданный человек. В ее квартале к ней первой звонят в дверь, когда нужно помочь больному или подежурить у одра умирающего.

- А где она живет?

- Я не поинтересовался. Могу позвонить Вивье и узнать адрес.

Глава 8

У Мегрэ был удивительно спокойный вид. Ничто не выдавало напряженной работы мысли. Пардон впервые видел своего друга в тот момент, когда разрозненные нити начинали связываться, когда постепенно вырисовывались контуры истины. Он внимательно наблюдал за Мегрэ, как бы надеясь увидеть за этим массивным и в данный момент невыразительным лицом механизм в действии.

- Что представляет собой Вивье? У него широкий взгляд на вещи?

- За исключением тех случаев, когда разговор заходит о вмешательстве государства в дела медицины. Он самый яростный противник этого.

Медленно потягивая трубку, комиссар молчал. Казалось, его мысли витают где-то далеко. Но неожиданно Мегрэ вернулся к разговору:

- Вивье сейчас у себя, как вы думаете?

- Он готовит большой труд по стоматологии и посвящает ему часть своих ночей.

- Позвоните, пожалуйста, ему и спросите, разрешит ли он мне задать ему несколько вопросов?

Через минуту Вивье был на другом конце провода.

- Говорит Пардон... Я звоню от моего друга Мегрэ... Простите, что отрываю вас от работы... Комиссар просит разрешения поговорить с вами...

Ответ, должно быть, позабавил Пардона, так как он улыбнулся.

- Я передаю трубку...

Он протянул трубку Мегрэ.

- Я также прошу простить меня, господин профессор. Но если вы согласитесь ответить на два-три вопроса, то чрезвычайно облегчите мне задачу. Я хочу подчеркнуть, что обращаюсь к вам в качестве частного лица. Я нахожусь на неопределенное время в отпуске по болезни. Нет, я не болен. А если и болен, то, очевидно, довольно серьезно, так как Пардон, который является моим лечащим врачом, уверяет, что мое здоровье в полном порядке. Профессор, удивитесь ли вы, узнав, что ваш бывший ассистент, доктор Мелан, совершил один или несколько преступных актов?

На другом конце провода послышалось нечто вроде собачьего лая, который мог сойти за смех. Когда снова раздался голос Вивье, это был звучный голос человека, который обладает собственным мнением и не задумываясь твердо его высказывает.

- Я не очень бы удивился, мой дорогой комиссар, если бы мне сообщили, что преступление совершил я, вы или моя консьержка. Под влиянием достаточно сильных внешних или внутренних побуждений любой человек способен совершить поступок, который осуждается законом и моралью.

- Но в данном случае, случае с Меланом, о чем бы вы скорее подумали, о внешнем или внутреннем побуждении?

- Безусловно, внутреннем! Мелан - классический тип человека, который не позволяет своим эмоциям выходить наружу. Кроме одной или двух бесед с ним, когда мне не без труда удавалось заставить его говорить о себе, он, по всей вероятности, никогда ни перед кем не открывался.

- Если предположить, что Мелан совершил преступление, не важно, какое именно, считали бы вы, что он заслуживает снисхождения?

- Вы спрашиваете меня как медика или как человека? Если как медика, то это не по моей специальности. Я предоставляю в этом вопросе слово психиатрам. А их мнение будет зависеть от некоторых обстоятельств... - Он добавил иронически:

- От возраста психиатров, а также от той школы, к которой они принадлежат.

- А если как человека?

- Я лично охотно выступлю в его защиту.

- Второй вопрос мне труднее сформулировать, и, боюсь, он вас удивит. Такой человек, как Мелан, почувствовав, что очутился в безвыходном положении, какой путь выберет для спасения - простой или сложный?

- Полноте, господин Мегрэ! У меня такое впечатление, что вы знаете его не хуже меня. Ну конечно же он выберет более сложный путь! Когда Мелан работал со мной, то постоянно выбирал во всем, даже в том, чтобы ответить на вопрос экзаменатора, наиболее сложный путь. Он схватывает все возможные нюансы и разветвления затронутого вопроса и с остервенением пытается не оставить в тени ни один из них.

- Благодарю вас. Мне остается только попросить вас об одной услуге, если вы сочтете, что можете оказать ее мне... Возможно, я ошибаюсь - и все мои предположения окажутся еще до исхода этой ночи ложными...

И наоборот, если мои предположения подтвердятся фактами, то несколько человек подвергнутся большой опасности. Полагаю, что, если мне удастся поговорить с мадемуазель Мотт, все встанет на свои места. У нее, вероятно, есть телефон... Так вот, я прошу вас об услуге... если вы добьетесь того, чтобы она приняла меня сегодня вечером, то, по всей вероятности, это поможет предотвратить новые преступления.

- Я позвоню ей.

Мегрэ поднялся, перешел в гостиную, где обе женщины говорили шепотом, чтобы не мешать своим мужьям.

- Я все же выпью рюмку коньяку... Если только Пардон не вырвет ее из моих рук...

Пардон лишь улынулся. Он все время изучал своего друга с любопытством и восхищением, к которому примешивалась тревога.

Раздался звонок.

- Алло! Это я, господин профессор. Она согласилась принять меня сейчас же? Это было не очень трудно? Улица Фран-Буржуа... Да... Да... Я знаю этот дом. Одно время я жил в двух шагах - на площади Вог. Я вам очень благодарен.

Когда комиссар отошел от аппарата, он был все так же спокоен, только в глазах появился огонек, которого раньше не было.

- Вы не обидитесь на меня, Пардон, если я оставлю вас с дамами? Правда, не исключено, что мои разговоры по телефону подслушиваются. И внизу меня уже поджидают...

- А почему бы мне вас не проводить? У подъезда стоит моя машина.

Они вышли у гостиную.

- Ты уходишь? Надолго? - встрепенулась мадам Мегрэ.

- Не имею ни малейшего представления.

- Ты не подвергаешься опасности?

- Никакой. Пардон отвезет меня и сейчас же вернется.

По дороге Мегрэ не произнес ни слова. Никто их не преследовал. Возможно зная, что у них в гостях Пардон с женой, наблюдателей сняли с поста.

На улице Фран-Буржуа, что находится в квартале Маре, сохранилось еще несколько исторических зданий, в которых нашел приют неимущий люд - мелкие ремесленники, в большинстве своем выходцы из Польши и Венгрии.

- Спокойной ночи, Пардон. Если я чего-нибудь добьюсь, то во многом буду обязан вам.

- Желаю успеха.

Мегрэ позвонил. Консьержка открыла небольшую дверь, врезанную в ворота, и Мегрэ пересек двор.

- Скажите, пожалуйста, где живет мадемуазель Мотт?

Через небольшое слуховое окно раздался ответ:

- Второй этаж, налево... Первая дверь.

На лестнице появился свет, и он увидел помощницу доктора Мелана, перегнувшуюся через перила. Когда он поднялся на второй этаж, она прошептала:

- Я боялась, что вы не найдете дорогу... Этот дом очень запутанный.

В темном домашнем платье она выглядела совсем другой - казалась более уязвимой. В глубоко посаженных глазах можно было прочесть беспокойство. На ее слишком белой коже от волнения выступили красные пятна.

- Сюда, пожалуйста. Поторопитесь, лампы сейчас погаснут.

Она ввела его в очень чистенькую, почти веселую комнатку. Это была гостиная и столовая вместе. Провинциальная, потемневшая от времени мебель создавала атмосферу покоя и уюта.

- Садитесь... Можете курить.

- Надеюсь, профессор не разбудил вас?

- Я мало сплю.

В комнате не было ни радио, ни телевизора, но очень много книг на полках.

- Вы забыли свою трубку? - Она не пыталась приветливо улыбаться и не скрывала своего беспокойства. - Увидев вас сегодня в приемной, я поняла, что надвигаются неприятности. Но больше всего меня удивило, что вы пришли ко мне.

- Как я уже сказал профессору Вивье, мадемуазель, я пришел к вам как частное лицо. Я не имею никакого права докучать вам. Вы можете выставить меня за дверь. Как видите, мне, для того чтобы попасть к вам, пришлось прибегнуть к помощи профессора Вивье, которому вы доверяете. И последнее - вы имеете полное право не отвечать на мои вопросы. - Мегрэ говорил медленно, вполголоса. Можно было подумать, что он не уверен в себе. - Позавчера я стал жертвой хитроумного и тщательно выполненного трюка. Западня была расставлена настолько тонко и ловко, что я в нее попал.

- Выпьете чашечку кофе?

- Спасибо. Вам, конечно, не терпится узнать о цели моего визита. Я уже достаточно узнал о прошлом доктора Мелана, чтобы объяснить себе его поведение...

Она смотрела на комиссара с неослабным вниманием.

- Человек, расставивший мне эту ловушку, был в отчаянном положении. А в трудных ситуациях у него есть склонность искать наиболее утонченный и сложный выход. Благодаря почти фантастическому стечению обстоятельств мне представился случай заинтересоваться его поступками...

С вытаращенными глазами она ошеломленно прошептала:

- Значит, вы не устанавливали слежку за доктором?

- Нет, мадемуазель... Я установил слежку за одним жуликом, который живет в доме напротив. Люди, которых вы заметили на улице, имели задание следить, кто к нему приходит, и следовать за его сожительницей, когда та выходит из дому.

- Я не в состоянии...

- Поверьте мне. И все же это правда. Я сам в последнее время часто заходил к тому типу, которого зовут Манюэль Пальмари, и по старой привычке подолгу стоял у окна...

- Значит, вы ходили туда не из-за доктора...

- Нет. Я тогда не знал даже его имени, и если вам могло показаться, что я интересуюсь его особняком, то только потому, что у меня слабость к старинным домам... Повторяю, я стал жертвой сложной интриги...

Кто-то пытался отстранить меня от занимаемой должности. Этот человек составил сложный, почти дьявольский план, в котором не было ни одного слабого места.

Подозревая Манюэля в кое-каких темных делах и давно уже присматривая за ним, я нанес ему несколько визитов...

Кроме того, я узнал, что мадемуазель Приер, которая играла важную роль в моем деле, принадлежит к клубу на улице Гранд-Арме... В списках членов этого клуба в качестве поручителя Николь Приер я увидел фамилию вашего патрона. Мне захотелось познакомиться с ним поближе...

- Это невероятно...

Она не усомнилась в том, что Мегрэ говорит правду. Она просто была ошеломлена причудливой игрой судьбы.

- Доктор Мелан мог сыграть со мной злую шутку - вырвать или пробуровать мне зуб, который в этом не нуждался... Но он честно заявил, что у меня абсолютно здоровые зубы, и проводил меня до двери, не сказав ни слова и не задав мне ни одного вопроса...

- Его терроризировали. В течение нескольких недель он живет в постоянном страхе.

- Он говорил с вами об этом?

- Нет, но я достаточно хорошо его знаю, чтобы не сомневаться в этом. Карола тоже заметила.

- Вы поняли, мадемуазель, почему я здесь?

- Чтобы допросить меня.

- Не совсем так. Я предпочитаю играть с вами в открытую. Как я уже сказал вам, в настоящий момент я не облечен никакой властью. Кроме того, у меня нет никакой уверенности, и все мои предположения довольно смутны... Никто не смог бы изобрести ловушку, в которую я попался, не имея для того чрезвычайно серьезных оснований. Доктор Мелан, зная, возможно, обо мне, до сегодняшнего утра никогда меня не видел... И все же мое присутствие в доме напротив и присутствие моих инспекторов на улице его испугало...

Какие же причины заставили его попытаться обезвредить комиссара Мегрэ? Этот вопрос и был для меня отправной точкой. Но что я мог узнать о Мелане достаточно серьезного, что объяснило бы мне его поведение? И вновь мне помог случай! У Алин - возлюбленной Манюэля - первый раз в жизни заболели зубы, и, естественно, она обратилась к дантисту, живущему в доме напротив. Она, возможно, не очень умна, но у нее необыкновенно развита интуиция. Это женщина в полном смысле слова. Мелан задал ей два незначительных с виду, но лишних вопроса. Или, помнится, вы задали один из них: "Кто вас направил сюда?"

Такой вопрос зубной врач или его секретарь нередко задают пациенту. Второй: "Вы больше ничем не страдаете?"

Под впечатлением всей атмосферы этого дома Алин заставила работать свой мозг. Она вспомнила, что часто по вечерам видела свет в кабинете врача. Когда я ее спросил, она ответила, что с наступлением темноты к вам в дверь звонили одни только женщины...

- Меня по вечерам там не было.

- Я знаю. Но все же вы должны быть в курсе этих визитов.

- Послушайте, господин комиссар. Я согласилась принять вас из уважения к профессору Вивье. Я заявляю вам, что сделаю все от меня зависящее, чтобы ни один волос не упал с головы доктора Мелана. Этот человек страдал всю свою жизнь, страдает сейчас больше, чем когда-либо, и будет страдать всегда...

- По мнению профессора Вивье, что бы ни случилось, психиатры решат, что Мелан не может полностью нести ответственность за свои поступки. Сам Вивье уже заранее заявил, что выступит в его защиту. Возможно, я и сам буду на его стороне.

- Вы?

- Да, я. Но мне нужна ваша помощь. Вы сами говорите, что он живет в страхе. Значительная часть преступлений совершается под влиянием страха.

- Все равно его посадят в тюрьму. А он не перенесет тюрьмы.

- Я слышал это от всех, кого арестовывал. Вы так же хорошо, как и я, знаете, что доктор занимался абортами, не правда ли?

- Я поняла это в тот день, когда увидела в его шкафу инструменты, которые дантисту не нужны.

- Больше никаких улик вам не попадалось?

- Я не в состоянии уличать его...

- Видите ли, если бы у Мелана на совести было только это, вряд ли ваш патрон потерял бы до такой степени самообладание, чтобы поступить так, как он поступает последние несколько дней... Эта мысль не приходила вам в голову?

- Приходила.

- Почему?

Она отвернулась и после довольно длительного молчания пробормотала:

- То, что вы от меня требуете, ужасно. У него нет никого, кроме меня.

- Что вы хотите этим сказать?

- Что он всегда был одинок. Абсолютно одинок.

Я знаю, он выходит, бывает в этом клубе, о котором вы говорите. Он делает это, чтобы успокоиться, возможно, и для того, чтобы...

- Вербовать клиенток?

- Я думала об этом...

- А Николь Приер?

- Подозреваю, что в первый раз она пришла за тем же, что и другие...

- Что и другие вечерние посетительницы?

- Да. У меня нет ее карточки. Это маленькая истеричка, которая бросилась ему на шею. Я уверена, что она преследует его. - Чувствуя, что ее нервы на пределе, Мотт поднялась и зашагала по комнате. - Вы подвергаете меня пытке.

- Вы предпочитаете, чтобы совершились новые преступления?

Она растерянно посмотрела в глаза комиссару:

- Откуда вы все это узнали? Вам сказала Карола?

- А Карола знает?

- Ладно! Говорить, так говорить до конца! Я больше не могу хранить эту тайну. Когда я только поступила к доктору Мелану, то была удивлена тем, что он удаляет меня из кабинета, когда принимает какую-нибудь пациентку...

- Вы говорите о дневных пациентках?

- Да. Ведь по вечерам меня там не было.

- Речь идет о любой пациентке?

- Нет. Для некоторых я играла нормальную роль ассистентки. Подавала доктору инструменты, подготавливала рентген и прочее...

- Но при появлении некоторых пациенток вас удаляли в ваш кабинет?

- Да.

- Без всяких объяснений?

- Доктор Мелан никогда не дает никаких объяснений.

- И у вас возникли подозрения?

- Да...

- А что случилось недавно, что утвердило вас в ваших подозрениях?

- Одна пациентка вошла к нему в кабинет и не вышла оттуда. Я удивилась, так как они всегда проходят через мой кабинет. Он ответил мне, что проводил ее по маленькой лестнице.

- А Карола отрицает это?

- Да. Ее кухня выходит на лестницу, и дверь всегда открыта. Кроме того...

- Я слушаю вас...

- Я не могу...

- Я приду вам на помощь... У доктора есть садовник?

- Нет.

- В таком случае он сам ухаживает за садом?

- Очень редко. Там больше сорной травы, чем цветов.

- И вы спросили у Каролы, не видела ли она той ночью в саду...

- Нет... Она сама заговорила со мной об этом...

- И вы никому ничего не рассказали?..

- Нет...

- Это единственный случай?

- Насколько мне известно...

- Значит, могли иметь место и другие случаи?

- Могли...

- И они могут произойти снова?

- Что вы хотите от меня?

- Чтобы вы помогли мне. Я не имею права пойти на улицу Акаций, где полиция может помешать мне войти в дом. Кроме того, если я пойду туда, не исключено, что Мелан пустит себе пулю в лоб. У него есть оружие?

- Да.

- Позвоните и скажите, что вам надо сообщить ему нечто важное и срочное, о чем неблагоприятно говорить по телефону. Попросите его прийти сюда. Полагаю, у него есть машина...

- А если он принесет с собой револьвер?

- Идя к вам, он не возьмет с собой револьвера.

- Таким образом, у него не останется никого... даже меня...

- Подумайте о той или о тех, останки которых, по всей вероятности, найдут в его саду...

Мадемуазель Мотт медленно направилась к телефону. Ее худые пальцы стали приводить в движение диск.

Красные пятна сошли с ее лица. Глаза были полузакрыты.

- Это вы, доктор? Говорит Мотт...

Повесив трубку, она больше не произнесла ни слова. Мегрэ также молчал. Они сидели лицом к лицу. Не смотрели друг на друга. Они ждали. Дважды комиссар зажег свою трубку, но забывал затушить.

Время от времени Мегрэ поглядывал на часы. Минуты тянулись бесконечно. Придет ли Мелан? Если он понял, что для него все кончено, он, вероятно, уже пустил себе пулю в лоб. Мадемуазель Мотт, должно быть, задавала себе тот же вопрос. Сквозь полуоткрытое окно доносились редкие уличные звуки: скользящий по асфальту автомобиль, шаги прохожего, негромкие голоса какой-то пары...

Казалось, прошла целая вечность. На самом деле - не больше двадцати минут. Двадцать минут молчания и неподвижности.

Наконец - шум подъехавшего автомобиля. Легкий скрежет тормозов. Шаги на тротуаре, затем далекий приглушенный звонок. Хлопнувшая дверь. Шаги по неровным плитам двора. Лестница...

Мадемуазель Мотт приложила руку к груди и прошептала самой себе:

- Я не могу...

Увидев, как она поднялась, Мегрэ решил, что она хочет выбежать на кухню, спрятаться, может быть, убежать по другой лестнице. Но, встав на ноги, она не сдвинулась с места. Мегрэ поднялся со стула, в свою очередь такой же взволнованный, как и она.

В комнате стояла невыносимая тишина. В дверь постучали...

Мелан был одет в серый костюм. В руках он держал шляпу. Сделав шаг вперед, он повернулся, не заметив Мегрэ, посмотрел на свою помощницу, затем, снова повернувшись, увидел комиссара.

Доктор заговорил не сразу. Не сделал также попытки уйти. Несмотря на его удивление и волнение, чувствовалось, что он пытается разобраться в обстановке, что мозг его напряженно работает.

Проблема показалась ему слишком сложной. Он покачал головой, как бы стирая с доски уравнение, чтобы начать все сначала.

Мелан стоял и смотрел то на Мегрэ, то на помощницу, затем перевел взгляд на кресла, в которых они недавно сидели, на трубку в пепельнице возле кресла комиссара.

- Вы давно здесь? - спросил он наконец Мегрэ почти спокойным голосом.

- Порядочно.

Его голубые глаза остановились на скорбном лице своей помощницы. В них не было ни гнева, ни возмущения. Пожалуй, удивление. И прежде всего вопрос.

Ему надо было понять. Он хотел понять. Он обладал исключительным умом. Ему всегда твердили, что он обладает исключительным умом. Он доказал это, поднявшись с самых низов...

- Она тут ни при чем, доктор, - произнес Мегрэ, чтобы положить конец этой тягостной сцене. - Когда я пришел сюда, я уже знал все. Или почти все. Мне нужно было только подтверждение.

В глазах Мелана, устремленных на комиссара, не было ненависти. Какой вопрос задал ему как-то Пардон? Существует ли порочный преступник, сознательно совершающий преступление? Зло ради зла?..

В какой-то момент Мегрэ подумал, что впервые за всю свою практику встретил такого преступника...

Но Мелан вовсе не питал к нему чувства ненависти.

Он ни к кому не питал ненависти. Он просто боялся.

Возможно, он боялся всю жизнь...

- Я звонил профессору Вивье...

Оцепенение Мелана все усиливалось, но он не произносил ни слова. Догадаться о его состоянии можно было только по глазам, увеличенным стеклами очков.

- Он выступит свидетелем защиты... Возможно, я тоже...

Эпилог

Через двадцать минут автомобиль Мелана остановился перед главным комиссариатом III округа, на улице Перре. Мегрэ вышел из него первым.

Когда они вошли в коридор, Мегрэ пропустил вперед Мелана.

- Немного дальше... Вторая дверь налево.

Один из инспекторов, положив ноги на стол, читал газету, другой печатал рапорт на пишущей машинке.

Оба, узнав комиссара, поднялись.

- Добрый вечер, господа. Простите, что побеспокоил вас. Я пришел не по службе. Просто проводил доктора Мелана, который хочет дать показания. Вероятно, ты будешь их записывать, Бассен? - Он знал инспектора Бассена уже лет двадцать. - Возможно, вам придется потом проводить доктора в камеру предварительного заключения. Сделайте это корректно. До свидания, доктор.

Когда Мегрэ вернулся домой, Пардоны уже ушли.

Мадам Мегрэ еще не легла.

- Ну как?

- Он сейчас дает показания...

- О чем?

- Обо всем. Обо всем, что у него на сердце... Мы узнаем об этом завтра из газет. Из вечерних, конечно, в утренние сведения попасть не успеют.

- Это Мелан доставил тебе все неприятности?

- Он испугался. Увидев меня у окна противоположного дома, он решил, что я за ним наблюдаю...

- Что ты собираешься делать?

- Ждать.

В десять часов утра полицейский на мотоцикле привез ему депешу. Его приглашали не к префекту, а к директору уголовной полиции.

- Войдите...

Мегрэ толкнул дверь и вошел, с трубкой во рту, как входил в течение многих лет в этот самый кабинет, независимо от того, какой из очередных начальников занимал его.

- Это вы, Мегрэ... Садитесь... Что вы хотите, чтобы я вам сказал?

- Ничего, господин директор.

- Господин директор?..

- Патрон, если вам так больше нравится.

- Мне так больше нравится. Вы на меня сердитесь?

- Нет.

- Я позвонил префекту полиции, который в свою очередь позвонил министру внутренних дел.

- И который в свою очередь позвонил своему другу Жану Приеру...

- Возможно... Жанвье ждет вас в вашем кабинете...

Он дежурил сегодня ночью...

Шеф задал себе вопрос: "Каким образом Мегрэ удалось во всем разобраться?"

Но не решился повторить вопрос вслух.

- Само собой разумеется, что продолжать следствие будете вы...

<http://book.zehinli.info>

1964г.